

ПРИЛОЖЕНИЕ

© 2015 г.

Вестник древней истории
2015, № 1, 228–253

ΑΝΤΙΦΩΝΤΟΣ ΛΟΓΟΙ

АНТИФОНТ РЕЧИ

Вступительная статья, перевод с древнегреческого и комментарий
*И.Е. Сурикова**

Антифонт (ок. 480–411 гг. до н.э.) – первый, самый ранний представитель плеяды десяти великих аттических ораторов и единственный из них, чья жизнь целиком пришлась на V век до н.э. Он являлся также философом, одним из крупных представителей движения софистов, автором трактатов «Об истине», «О согласии» и др. (сохранившихся лишь фрагментарно). Антифонта, помимо прочего, можно назвать одним из крупнейших представителей древнегреческой юридической мысли¹. Занимался он и политикой; в частности, в 411 г. до н.э. сыграл весьма активную роль в антидемократическом перевороте и стал одним из лидеров олигархического режима «Четырехсот». После свержения этого режима Антифонт был отдан под суд и приговорен к смертной казни.

Можно отметить еще, что Антифонт первым в Афинах открыл риторическую школу (одним из его учеников был великий Фукидид, и влияние ранних произведений Антифонта на стиль

Суриков Игорь Евгеньевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, главный научный сотрудник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

Igor E. Surikov

Institute of World History, Russian Academy of Sciences.

isurikov@mail.ru

* Работа выполнена при поддержке РГНФ в рамках проекта 12-01-00005а «Научный комментированный перевод корпуса речей оратора Антифонта».

¹ Его называют порой даже «первым европейским правоведом» (Barta 2010, 49). На самом деле эта высокая честь принадлежит скорее Протагору (если не Анаксимандру), но и вклад Антифонта в становление античной юриспруденции весьма велик, его нельзя преуменьшать.

историка Пелопоннесской войны совершенно несомненно), а также и тот факт, что он изобрел ремесло логографа (сочинителя судебных речей по заказу, обычно за плату) и первым в Афинах подвизался на этом поприще. Одним словом, перед нами вырисовывается очень крупная (хочется сказать – грандиозная) фигура в интеллектуальной жизни Афин, сопоставимая по масштабу, скажем, с Сократом. Но по ряду причин Антифонт «не повезло», он находится в незаслуженном пренебрежении. В частности, в отечественной историографии Антифонт до нас вообще никто всерьез не занимался²; да и на Западе его не слишком-то жалуют (по причине его откровенно олигархических взглядов?).

Весь масштаб личности Антифонта до недавнего времени не был ясен в связи с тем, что долго отделяли друг от друга якобы двух не тождественных друг другу авторов – «Антифонта-оратора» и «Антифонта-софиста». Теперь ситуация в значительной степени изменилась, в первую очередь благодаря тому, что американский историк древнегреческого права Майкл Гагарин сумел в ряде исследований³ блестяще обосновать тезис, согласно которому «два Антифонта» – в действительности одно и то же лицо. Ныне мало найдется ученых, придерживающихся иного мнения.

В античности было известно 60 речей Антифонта; правда, Кекилий Калактийский, видный греческий филолог августовской эпохи, специально занимавшийся этим оратором, считал подлинными лишь 35 из них. До нашего же времени дошли только 6 речей. Точнее, речами в строгом смысле слова являются три из них – I («Против мачехи по обвинению в отравлении»), V («Об убийстве Герода»), VI («О хоревте»); под номерами II, III и IV в *Corpus Antiphonticum* стоят «Тетралогии» – произведения несколько иного характера (см. предисловия к ним).

Все сохранившиеся сочинения Антифонта посвящены судебным делам, связанным с убийствами. Однако из этого не следует делать вывод, что нашего автора интересовала только эта проблематика; насколько можно судить, та подборка его трудов, которой мы теперь располагаем, имеет в известной степени случайный характер. Имеются фрагменты почти от двух десятков других речей Антифонта⁴, сюжеты которых весьма разнообразны: защита союзных полисов от чрезмерного повышения фороса («О форосе линдийцев», «О форосе самофракийцев»), атаки на демагогов («Против Филина») и др. Особо следует отметить последнюю и самую знаменитую речь Антифонта – «О перевороте». Эта блистательная речь, произнесенная оратором в 411 г. до н.э. в собственную защиту, не спасла его от осуждения⁵, но произвела сильнейшее впечатление на современников (Thuc. VIII. 68. 2). К глубокому сожалению, до нас она дошла тоже лишь фрагментарно.

Перевод речей Антифонта выполнен по изданиям: *Antiphon. Discours* / Ed. L. Gernet. P., 1965 (стереотипное переиздание издания 1923 г.); *Antiphontis orationes et fragmenta* / Post F. Blass edidit T. Thalheim. Stuttgartiae, 1982 (стереотипное переиздание издания 1914 г.). Все сколько-нибудь влияющие на смысл разночтения между этими двумя важнейшими изданиями Антифонта оговариваются в комментарии.

В целом, впрочем, комментарий имеет не столько филологический, сколько исторический (точнее, даже историко-юридический) характер; он направлен на разъяснение встречающихся в тексте речей реалий, преимущественно связанных с древнегреческим правом.

Переводы всех произведений Антифонта предваряются нашими небольшими предисловиями, в которых сообщаются важнейшие сведения об этих литературных памятниках.

² С.Я. Лурье посвятил несколько работ *софисту Антифонт* (Лурье 1918а; 1918б; 1925; Luria 1926; 1963), которого он, впрочем, отделял от *оратора Антифонта* (о тождестве этих двух лиц см. ниже).

³ Gagarin 1990 и особенно Gagarin 2002 (это лучшее на сегодняшний день исследование об Антифонте). В отечественной историографии см. в связи с этим: Суриков 2006; 2007.

⁴ Эти фрагменты переведены нами ранее. См. Суриков 2009. О них см. также Mészáros 2008.

⁵ Ferguson 1932.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ АНТИФОНТА⁶

(1) Антифонт был сыном Софила и происходил из филы Эантиды, дема Рамнунта. (2) Он, родившись во время Персидских войн⁷, достиг расцвета тогда же, когда и софист Горгий. (3) И первым его учителем был отец, научивший его грамоте⁸; войдя же в возраст, Антифонт начал усердно упражняться в речах. (4) Присоединив к природным дарованиям старательные упражнения, он притом не был ничьим слушателем, потому что тогда еще не было никаких составителей речей и пособий по ораторскому искусству, и ни один выдающийся софист этим не занимался; Антифонт пользовался книгами более ранних писателей, а особенно поэтов, и достиг такого мастерства, что его прозвали Нестором – за наслаждение, доставляемое его речами⁹. (5) Отказавшись от политической деятельности¹⁰ – он был еще молод, он соорудил в Коринфе близ агоры помещение для приема слушателей, а снаружи сделал надпись, что утешает скорбящих; (6) затем, поскольку он был корыстолюбив, а это ремесло ему мало позволяло нажиться, он принялся писать трагедии¹¹. (7) Но, отказавшись и от этого, он обратился к риторике и, основав в Афинах школу, спорил с Сократом по вопросам об аргументации¹². (8) Он обучил многих, обучил и Фукидида¹³. (9) А во время Пелопоннесской войны он достиг многого: вместе с Архептолемом и его сторонниками сверг демократию и установил правление 400¹⁴. Но против него была возбуждена исангелия¹⁵, он был осужден и подвергнут наказанию, установленному для предателей, а тело его брошено без погребения. (10) А некоторые¹⁶ говорят¹⁷, что он погиб на Сицилии при Дионисии¹⁸: прибыл к нему, уже будучи стариком, и насмехался над трагедиями самого Дионисия. А тот, говорят, разгневавшись из-за этого, приказал убить Антифонта. (11) Но другие сообщают, что не из-за этого он погиб, а по их словам, из-за подозрений в том, что он хотел свергнуть тиранию. Ибо, заявляют они, Дионисий спросил его, какая медь ему нравится, а он ответил: «Та, из которой отлиты Гармодий и Аристогитон».

⁶ Этим анонимным позднеантичным текстом предваряется в рукописях *Corpus Antiphonticum*. На самом деле речь в нем идет не только и не столько о «происхождении» (γένεσις) Антифонта; это опыт его краткой биографии, предпринятый, во всяком случае, не ранее II в. н.э. – времени, когда были написаны «Жизнеописания десяти ораторов» Псевдо-Плутарха. Дело в том, что этим памятником (ошибочно приписанным Плутарху, в действительности ему не принадлежащим) активно пользуется наш неизвестный автор; в числе прочего он воспроизводит из Псевдо-Плутарха некоторые ошибки (которые в дальнейшем будут оговорены в комментариях).

⁷ Указание на «Персидские войны» в узком смысле адресует к походу Ксеркса на Элладу в 480 г. до н.э. Именно в этом году, как принято считать (вполне правомерно), и родился Антифонт.

⁸ Софила, отца Антифонта, некоторые источники именуют софистом, что, конечно, является анахронизмом до первой половины V в. до н.э. Возможно, тут сыграло свою роль то обстоятельство, что в имени Софила наличествует корневая морфема σοφ- (как, кстати, она наличествует и в имени Софилла, отца драматурга Софокла, который, как легко увидеть, передал оную морфему и своему знаменитому сыну). В LGPN написание имени отца Антифонта (в отличие от имени отца Софокла) передают через *омегу*, но отмечают, что в рукописях все-таки везде стоит *омикрон*.

⁹ Аллюзия на красноречивого старца Нестора в поэмах Гомера.

¹⁰ На самом деле Антифонт никогда не отказывался от политической деятельности. Просто он не всегда занимался ею в открытой форме.

¹¹ Очень характерная путаница между нашим Антифонтom (оратором и софистом) и его тезкой, драматургом Антифонтom. Последний жил в несколько более позднее время, его расцвет приходится на начало IV в. до н.э.

¹² Образчики споров Антифонта с Сократом приводит Ксенофонт в своих «Воспоминаниях».

¹³ Великий афинский историк, судя по всем данным, прямым и косвенным, действительно был учеником Антифонта.

¹⁴ Переворот 411 г. до н.э.

¹⁵ После свержения режима Четырехсот, в том же 411 г. до н.э. Такой тип публичного иска, как исангелия, применялся в случае наиболее серьезных государственных преступлений.

¹⁶ «Некоторые» – необходимое дополнение, принятое, в частности, в издании Бласса–Гальхейма.

¹⁷ Все данные отсюда и до конца этого текста относятся к драматургу Антифонтy, к интересующей нас персоне они не имеют никакого отношения.

¹⁸ Речь идет о Дионисии Старшем.

I. ПРОТИВ МАЧЕХИ ПО ОБВИНЕНИЮ В ОТРАВЛЕНИИ

Речь часто называют в литературе просто «Против мачехи». Точная датировка ее неизвестна. Обычно считается, что она была написана после речи VI «О хоревте», но ранее речи V «Об убийстве Герода». Соответственно, считают, что с наибольшим основанием ее можно датировать первой половиной 410-х гг. до н.э.¹ Речь высоко оценивал великий Вилламовиц²; впоследствии, однако, ее стали считать едва ли не самым слабым произведением Антифонта, и только в последнее время раздались голоса в пользу ее «реабилитации» как памятника ораторского искусства и правовой мысли³.

Дело слушается в Ареопаге. Речь является обвинительной. Клиент Антифонта, совсем молодой человек (имя неизвестно), только что достигший совершеннолетия, обвиняет собственную мачеху в том, что она за несколько лет до того отравила (точнее, организовала отравление) его отца, своего мужа. Исход дела неизвестен. Политические мотивы в речи отсутствуют.

Содержание⁴

Некий Филоней, имевший какую-то наложницу, был другом отцу говорящего эту речь. Заподозрив наложницу в чем-то дурном, он грозился отправить ее в публичный дом. А отец говорящего речь, когда у него умерла жена, привел своему сыну мачеху. Та сговорилась с наложницей, поскольку они были соседками и поскольку она тоже была не очень любима мужем; обе решили убить мужчин ядом. Подготовившись, женщины во время праздника, когда эти мужчины сообща совершали возлияние – они ведь были друзьями, – дали обоим яд в питье. И Филоней, выпивший больше яда, скончался тут же, а отец говорящего речь, поскольку он выпил меньше, заболел и от этой болезни умер. Юноша же обвиняет мачеху в отравлении. Содержание речи таково, статус⁵ же ее предположительный, а доказательством служит то, что противники не хотят выдать рабов для пытки.

1. Я, со своей стороны, еще молод и неопытен в тяжбах⁶; страх и недоумение охватывают меня в связи с этим делом, граждане⁷! С одной стороны, как я не буду преследовать

¹ Dover 1950, 44. Более «обтекаемую» датировку (420–411 гг. до н.э.) дает М. Гагарин (Antiphon, Andocides 1998, 10). Все согласны в том, что Антифонт начал писать судебные речи как логограф не ранее 420-х гг. до н.э. (Gagarin 2002, 180) или даже, скорее, не ранее конца 420-х – начала 410-х гг. до н.э. (Avery 1982, 157).

² Wilamowitz-Moellendorff 1887.

³ Carawan 1998, 216 ff.; Gagarin 2002, 146 ff. В отечественной литературе об этой речи (а также о речах V и VI) см. Суриков 2012а, 43 слл.; 2013, 105 слл.

⁴ Каждая речь предваряется в рукописях анонимным позднеантичным «содержанием» (ὑπόθεσις). В «Тетралогиях», как мы увидим ниже, таких «содержаний» даже не по одному в составе памятника. В них немало грубых ошибок (то, которое сейчас перед нами, еще более или менее корректно, хотя мы не сказали бы, что в нем совершенно верно расставлены акценты – см. ниже сам текст речи).

⁵ Статус (в сущности, постановка вопроса в речи) – важная категория античной риторики. Подробнее см. Гаспаров 1997, 556 слл.

⁶ Речь, как и подобает, начинается со вступления (exordium); в нем главная задача говорящего – добиться от слушателей внимания и сочувствия. В данном случае обвинитель – человек совсем юный, едва достигший совершеннолетия, – добивается этой цели через следующую речевую стратегию: он прибегает к униженно-заявляющим просьбам и постоянно подчеркивает свою неопытность. Последнее, вообще говоря, являлось распространенным риторическим топосом в судебных речах, но на сей раз, похоже, топос согласовывался с действительностью.

⁷ Дело разбирается в Ареопаге; поэтому выступающий нигде не обращается к слушателям «судьи» (δικασταί), ибо такое обращение применялось обычно к присяжным, членам коллегий гелиен. Он называет ареопагитов просто ἄνδρες, т.е. дословно «мужи», но так нельзя было переводить, ибо это придало бы фразе оттенок «высокого стиля», отсутствующий в оригинале. С.И. Соболевский, переводя речи Лисия, в аналогичных случаях пользовался выражением «господа», но в наши дни оно уже звучит анахронизмом, да и не согласуется с реалиями античного полиса. Соответственно мы при переводе используем наиболее нейтральное выражение «граждане».

в судебном порядке убийц⁸ моего отца, если он сам поручил мне это⁹? С другой стороны, преследовать-то приходится тех, с кем меньше всего подобало бы вступать в раздор, – собственных единокровных братьев и их мать¹⁰. 2. Ведь судьба и сами эти люди вынудили меня вчинить иск против тех, кому прилично было бы стать мстителями за умершего, а обвинителю – помощниками. Но теперь происходит противоположное этому: ибо сами они являются моими противниками и убийцами, как говорим и я, и обвинительное заявление. 3. Прошу вас, граждане: если я докажу, что их мать умышленно, обдуманно совершила убийство нашего отца и до того уже не однажды, а многократно была поймана с поличным как замышляющая его смерть, – накажите ее. Заступитесь, во-первых, за ваши законы, полученные вами от богов и предков, и вынесите, подобно им, обвинительный приговор; помогите, во-вторых, самому умершему, а заодно и мне – ибо я один теперь остался. 4. Ведь вы оказываетесь моими родственниками, – поскольку те, кому следовало бы стать мстителями за умершего и моими помощниками, стали умершему убийцами, а против меня выступают как противники. К кому же пойти за помощью или где найти прибежище, кроме как у вас и у справедливости?

5. А я, признаться, удивляюсь и брату: что это у него за мысль – стать моим противником? Или, он считает, благочестие заключается в том, чтобы не предать мать? Я же полагаю, что гораздо безбоязнее пренебречь мщением за умершего¹¹, особенно если он умер против своего желания, в результате злого умысла, а она его намеренно, обдуманно убила. 6. Мой противник и сам не скажет, будто он твердо знает, что его мать не убивала нашего отца. Ведь у него и была возможность что-то надежно узнать посредством пытки¹², – но он не захотел. А что невозможно было толком разузнать – в этом-то он и смел. Однако следовало-то как раз, как и я призывал, постараться, чтобы содеянное было явлено воистину. 7. Ведь если бы рабы не признались, то он со знанием дела защищался бы и успешно противостоял бы мне, и мать его была бы освобождена от этого обвинения. А поскольку он не пожелал провести расследование содеянного, каким образом то, чего он не пожелал разузнать, может ему быть известным? [Следовательно, судья, каким образом возможно ему знать о том, о чем он уж точно не получил истинных сведений?]¹³ 8. Интересно мне, что он скажет в свою защиту. Он ведь хорошо понимал, что в случае пытки рабов не удалось бы спастись его матери, и поэтому посчитал: спасение – в том, чтобы их не пытать. Они решили, что таким образом получится скрыть содеянное. Каким же образом мой противник окажется принесшим неложную клятву¹⁴,

⁸ Строго говоря, в убийстве обвинялась только одна женщина – мачеха обвинителя. Но здесь он говорит об убийцах во множественном числе (да еще и в мужском роде, как видно из оригинала), т.е. в обобщающем значении. Такое мы еще не раз встретим на протяжении всего Антифонта корпуса.

⁹ Перед смертью (об этом см. ниже).

¹⁰ Поскольку обвиняемая, будучи женщиной, не имеет права выступать в суде, ее интересы представляет ее родной сын (от того же отца, что и обвинитель). Здесь говорится о «братьях», вероятнее всего, в порядке той же самой амплификации, как чуть выше говорилось об «убийцах».

¹¹ Тут, несомненно, слушателям должен был припомниться миф об Оресте, который убил свою мать, именно мстя за отца, а затем был оправдан тем самым Ареопагом, перед которым в данный момент слушается дело. Необычайно выигрышная тактика, предложенная Антифонтон своему клиенту! Последний и в дальнейшем апеллирует к этому мифу, называя мачеху «Клитменстрой» и т.п.

¹² Речь идет о свидетельской пытке рабов (*βάσανος*) – о ней подробнее см. Кудрявцева 2008, 219 слл.; Суриков 2012а. Согласно нормам афинского права, пытать граждан настрою запрещалось, но вот снять свидетельские показания с раба можно было *только* с применением пытки. В данном случае (как становится ясным из дальнейшего изложения) обвинитель потребовал от обвиняемых выдать их рабов для допроса с пыткой (на предмет выяснения вопроса, о котором см. ниже), а те отказались. Отказаться они имели полное право, но теперь обвинитель, естественно, использует этот их отказ как довод в пользу их виновности.

¹³ Фраза, заключенная в квадратные скобки, в некоторых изданиях исключается, поскольку ее содержание практически дублирует содержание предыдущей фразы. Однако дублирование имеет место только на смысловом, но не на лексическом уровне. Так что, не исключено, перед нами сознательный риторический прием амплификации.

¹⁴ В процессах об убийстве стороны перед началом суда приносили особо торжественные клятвы.

заявляя, что он имеет верные сведения, если он не пожелал получить эти верные сведения, хоть я и предлагал воспользоваться в нашем деле таким справедливейшим средством, как пытка? 9. Ибо я хотел подвергнуть пытке их рабов, поскольку они знали, что уже и ранее эта женщина, мать моих противников, хитростью, отравой хотела убить нашего отца, и отец поймал ее в этом с поличным. Да она и сама этого не отрицала, а только говорила, что давала ему снадобье не чтобы убить, а чтобы приворожить. 10. Итак, для этого-то я и хотел учинить рабам подобную пытку по названным вопросам, написав в письменном заявлении, в чём я обвиняю эту женщину. При этом я предлагал самим моим противникам и пытаться их, в моем присутствии¹⁵, чтобы рабы не говорили под принуждением то, что я от них требую. Нет, меня вполне устраивало, чтобы они подтвердили то, что сказано в письменном заявлении: это самое и стало бы подобающим свидетельством в мою пользу – о том, что я правильно и справедливо преследую убийцу моего отца. А в случае, если рабы стали бы отрекаться и говорить не согласное с моим обвинением, пытка с неизбежностью показала бы, как было на самом деле: ибо она даже тех, кто замыслил лгать, заставит дать истинные показания. 11. Однако я, во всяком случае, хорошо знаю: если бы мои противники, придя ко мне, как только им было сообщено, что я намерен преследовать в судебном порядке убийцу отца, пожелали передать мне для пытки рабов, которые у них были, а я бы не захотел этих рабов принять, они бы тем самым представили весомейшее свидетельство в пользу того, что они не виновны в убийстве. А теперь, поскольку именно я требую пытки и даже предлагаю, чтобы пытали они сами, а не я, мне-то уж явно подобает считать их отказ свидетельством в пользу того, что они виновны в убийстве!¹² [Если бы они пожелали дать рабов на пытку, а я бы не принял, тогда это было бы свидетельство в их пользу. Но пусть то же самое относится и ко мне, коль скоро я желаю получить улики по нашему делу, а мои противники не захотели их дать]¹⁶. По крайней мере, мне кажется невиданным делом, что они стремятся у вас вымогать, чтобы вы их не осудили, а в то же время они не захотели стать судьями самим себе, предоставив своих рабов для пытки. 13. Итак, относительно этих вещей вполне ясно: они избегали того, чтобы разузнать в точности то, что произошло. Ведь они знали, что проявится-то зло, имеющее прямое отношение к ним, и рассудили: лучше о нем умолчать и не расследовать его. Но вы-то не так думаете, граждане, – я это твердо знаю! – и вы всё сделаете ясным.

Вот что сказал я предварительно. А о том, что произошло, попробую рассказать вам истинно. И пусть ведет меня сама справедливость¹⁷.

¹⁵ Обвинитель был настолько заинтересован в допросе, что даже сделал весьма серьезную уступку представителям противной стороны, соглашаясь на то, чтобы они сами пытали своих рабов. Вообще-то, разумеется, в нормальных обстоятельствах пытку должно было проводить лицо, нуждающееся в получении информации; но юноша не хочет, чтобы на полученные показания пала хоть тень подозрения в необъективности, и во всём идет навстречу своим оппонентам. Он оговаривает лишь одно: необходимость своего собственного присутствия при пытке. Но уж это-то было бы более чем естественно: понятно, что на допросе такого рода должны находиться обе тяжущиеся стороны, иначе нет способа контролировать возможные злоупотребления. Ясно, что представители ответчицы, пытая собственных рабов без участия противника, нашли бы средство заставить слуг сказать то, что на пользу им, представителям ответчицы.

¹⁶ Место, заключенное в квадратные скобки, некоторыми издателями удаляется как ненужное повторение того, что было сказано непосредственно перед тем. Но ни малейшей надобности в подобной операции нет. Говорящий просто разъясняет свою позицию более простыми словами. Состав афинских судей был таков, что им многие вещи приходилось повторять не по одному разу. Ареопагиты, конечно, в этом плане несколько выделялись на фоне обычных дикастов: все-таки это были лица, ранее являвшиеся архонтами, а не «первые попавшиеся» граждане. Тем не менее даже и в архонты с 487 г. до н.э. мог попасть буквально кто угодно (прямые выборы на архонтские должности уступили место жеребьевке), и уж точно среди них не было специалистов-юристов, как не было таковых и вообще в греческих полисах.

¹⁷ Здесь завершается затянувшееся вступление, которое включило в себя элементы таких частей речи, как предварительное определение темы (*propositio*), доказательства в свою пользу (*argumentatio*), опровержение доводов противника (*refutatio*). Впрочем, все эти категории относятся уже скорее к развитому, систематизированному этапу развития риторики, а Антифонт, не забудем, работал на

14. Была у нашего дома надстройка сверху¹⁸, а пользовался ей Филоней, когда ему случалось бывать в городе¹⁹. Человек он прекрасный и доблестный, да и отцу нашему друг. И была у него наложница, которую Филоней намеревался отправить в публичный дом²⁰. Таковую женщину мать моего брата, [познакомившись с ней]²¹, сделала подругой. 15. А узнав, что той грозит обида от Филонея, она приглашает ее к себе. Когда та пришла, моя мачеха сказала, что она-де и сама терпит обиды от нашего отца²². Она заявила, что, если та женщина желает ее послушаться, она может сделать так, чтобы и Филоней вновь полюбил свою наложницу, и мой отец – ее саму, мачеху. Она говорила, что берет на себя составление плана, а той предоставляет исполнение. 16. Итак, она спрашивала, не хочет ли та оказать ей услугу; а та, я полагаю, немедленно пообещала это сделать. После этого случилось так, что у Филонея в Пирее было жертвоприношение Зевсу Ктесию²³, а мой отец собирался плыть на Наксос²⁴. Филонею казалось, что лучше всего будет поступить так: одновременно и проводить в Пирей моего отца – ведь он был ему другом, – и после принесения жертвы угостить его²⁵. А наложница Филонея следовала с ним – именно из-за жертвоприношения. 17. И вот, когда они были в Пирее, то Филоней принес жертву, какую подобало. И когда жертвоприношение у него было уже совершено, это человеческое существо²⁶ раздумывало, как бы дать им зелье – до обеда или после обеда. И по здравом

самой ранней стадии истории этой дисциплины; он еще не мог знать классификаций, появившихся только после него. За вступлением следует основная часть речи, и перед нами – ее самый главный раздел: *narratio*, изложение событий, которые являются предметом иска.

¹⁸ Древнегреческие жилые дома чаще были одноэтажными, но в данном случае речь идет о двухэтажной постройке (из всего видно, что отец обвинителя был зажиточным гражданином). В любом случае, даже в таких домах второй этаж часто не играл важной роли, воспринимался именно как «надстройка» и нередко сдавался внаем жильцам (как и в этом случае).

¹⁹ Далее говорится о том, что основным местожительством Филонея был Пирей. Скорее всего, он был торговцем-эмпором, и ему по своим делам часто приходилось подолгу бывать в Афинах. Чтобы не утруждать себя постоянными переходами (хотя вообще-то между Афинами и Пиреем всего несколько километров), он и снял жилье у приятеля.

²⁰ Статус этой наложницы (*παλλακή*), судя по тому, как с ней обращался Филоней (из дальнейшего видно, что она заодно выполняла у него роль служанки), был невысок. Высказывалось даже предположение, что она являлась рабыней (хотя с уверенностью утверждать этого нельзя). Впрочем, среди наложниц афинских граждан (а они были достаточно распространенным явлением) встречались и женщины более высокого положения, даже гражданки (в целом о наложницах в классических Афинах см. Mossé 1991). Но здесь явно не тот случай.

²¹ Место, заключенное в квадратные скобки (в оригинале причастие *τιβορένη*), в издании Жерне исключено, в издании Бласса – Тальхейма сохранено. Причастие допускает в данном контексте и другой вариант перевода – «узнав об этом» (т.е. о том, что Филоней собирается отправить свою наложницу в публичный дом), но этот вариант маловероятен ввиду содержания следующего параграфа.

²² О характере этих обид ничего конкретного не говорится, но можно догадаться из контекста, что отец обвинителя разлюбил свою законную жену. Есть версия (Carawan 1998, 216 ff.), согласно которой он и сам взял себе наложницу, и от нее-то у него родился сын, который выступает клиентом Антифонта в данном процессе (это, между прочим, противоречит тому, что было сказано, как мы видели, в «Содержании» этой речи; но цена таких позднеантичных «содержаний», как мы знаем, невысока). Таким образом, наш юноша – незаконнорожденный? Ход мыслей здесь следующий: он возбуждает иск против мачехи сразу по достижении совершеннолетия. В то же время его единокровный брат, представляющий интересы обвиняемой, таким образом, тоже является уже совершеннолетним. Значит, он – старше. Этот вопрос нуждается в дополнительном изучении. Но мог ли незаконнорожденный выступить обвинителем в суде? В принципе, мог: если его мать была хоть и наложницей, но афинской гражданкой (см. предыдущее примечание), он являлся полноправным гражданином согласно закону Перикла о гражданстве 451 г. до н.э.

²³ Зевс в этой своей ипостаси (Ктесий – от *κτῆοαι*, «приобретать») считался, естественно, покровителем торговцев и прочих «деловых людей».

²⁴ Цель поездки опять же не указывается. Скорее всего, отец обвинителя также занимался морской торговлей и был коллегой (возможно, даже партнером) Филонея (отсюда и дружба между ними).

²⁵ В своем собственном доме, находившемся в Пирее.

²⁶ Таким унижительным образом (*ἡ ἀνθρωπος*) обозначена здесь наложница Филонея. Возможно, тут еще и намек на ее рабский статус.

размышлении показалось ей, что лучше будет дать его после обеда: так она исполняла поручения этой Клитемнестры, [матери моего противника]²⁷. 18. Впрочем, рассказ об обеде, пожалуй, был бы длинноват, чтобы мне его излагать, а вам – слушать. Но я попытаюсь изложить вам остальное как можно короче, а именно – как было дано зелье. Когда отобедали эти двое – один принеся жертву Зевсу Ктесию и угощая другого, другой же – намереваясь отплыть и пируя у своего друга, – они, как подобало, совершали возлияние и возлагали на алтарь ладан за свое здоровье²⁸. 19. А наложница Филоней, пока они молятся о том, чему не было дано свершиться, готовит возлияние, а тем временем, граждане, наливает в вино зелье. И вот, считая, что делает это на благо, большую часть налитого она дает Филонее, как будто, если она больше даст, Филоней сильнее будет ее любить²⁹. Она ведь не знала, что введена в обман моей мачехой, пока зло уже не свершилось. А отцу нашему она налила меньшую часть. 20. И они, после того как совершили возлияние, взяв в руки, пьют свое последнее питье, которое их и убило. Ведь Филоней умирает буквально сразу, а с нашим отцом случается болезнь, от которой он и умер на двадцатый день. За это исполнительница, которая сделала дело своими руками³⁰, получает достойное возмездие, хоть она и не была истинной виновницей: ведь ее пытали и отдали палачу³¹. А истинная виновница, выносившая этот план, еще получит свое возмездие, если пожелаете вы и боги³².

21. Итак³³, посмотрите, насколько справедливее будет моя просьба к вам, чем просьба брата. Я, со своей стороны, побуждаю вас стать мстителями на вечные времена за человека умершего, подвергшегося обиде; а мой противник вовсе не будет просить у вас за умершего, который достоин получить от вас и сочувствие, и помощь, и заступничество – ведь он был лишен жизни безбожно и бесславно, до подобающего срока, к тому же теми³⁴, кому менее всего пристало это делать. 22. Нет, он будет просить об убийце, будет просить у вас о вещах незаконных, нечестивых, невозможных, неслыханных ни богами, ни вами³⁵: ...дела, в отношении которых сама убийца не сможет себя убедить, что она не совершила злодеяния. Но вы – помощники не убийц, а тех, кто был умышленно убит, притом убит такими людьми, от руки которых им менее всего пристало умирать! Теперь уже в вашей власти вынести правильное решение по этому вопросу; сделайте же это! 23. Он будет про-

²⁷ Испорченное место, в рукописях имеются разночтения. Слова, заключенные в скобки, в большинстве изданий атегируются, но, может быть, и напрасно, ибо в результате становится непонятна метафора, употребленная автором (мачеха обвинителя уподобляется Клитемнестре, которая, согласно мифу, тоже убила своего мужа).

²⁸ Нагнетание пафоса, продолжающееся в следующем параграфе.

²⁹ Ирония.

³⁰ Здесь нам представляется правомерной перестановка, предлагаемая в большинстве изданий. В оригинале – «которая сделала дело своими руками» (собственно, καὶ χειροουργήσατα) – стоит ниже и относится к мачехе обвинителя.

³¹ Очевидно, родственники Филоней, таким образом совершившие по отношению к наложнице свое возмездие. Если она действительно была рабыней, то для любого наказания, вплоть до смертной казни, не требовалось никакого судебного приговора.

³² Здесь *narratio* завершается. Давно уже подмечено, что обвинитель не приводит никаких аргументов (например свидетельских показаний) в пользу того, что ход событий был именно таковым, как тут описывается. Часто поэтому данную речь Антифонта считают слабой и неубедительной. Впрочем, возможно и иное объяснение: мачеха юноши и не отрицала, что по ее инициативе двум мужчинам было дано некое снадобье, но просто настаивала на том, что это было приворотное зелье, а намерение убить с ее стороны отсутствовало. Обвинитель же настаивает на том, что обвиняемая умышленно приготовила именно яд (поэтому дело и рассматривается Ареопагом, а не судом в Палладии, который ведал неумышленными убийствами) и ввела в заблуждение соучастницу-наложницу.

³³ После *narratio* следуют *argumentatio* и *refutatio*, которые не отделены друг от друга, а напротив, тесно переплетены.

³⁴ Собственно, вернее было бы сказать «той»: ведь речь идет о мачехе обвинителя, супруге убитого. Но перед нами достаточно часто встречающаяся фигура обобщения.

³⁵ Небольшая лакуна в тексте, которая с надежностью заполнена быть не может, однако на понимание смысла пассажа, в общем, не влияет. Наиболее вероятный вариант восстановления, предложенный в издании Бласса – Тальхейма, – «чтобы вы не наказывали...».

силь у вас о собственной матери, которая жива, которая коварно и безбожно умертвила человека; он будет стараться убедить вас, чтобы она не несла наказания за свое преступление. А я вас прошу ради моего умершего отца, чтобы она в любом случае понесла наказание! Ведь вы являетесь и называетесь судьями именно для того, чтобы преступники несли наказание³⁶. 24. И я начинаю судебное преследование, чтобы виновница понесла наказание за свое преступление и чтобы вступить и за нашего отца, и за наши законы: таким образом, вам всем и пристало помогать мне, если я говорю правду. А мой противник, наоборот, чтобы презвешая законы не несла наказания за свое преступление, становится ей помощником. 25. Однако что справедливее: чтобы умышленный убийца понес наказание или чтобы нет? И кого следует больше жалеть: покойного или убившую его? Лично я считаю, что покойного: ибо пусть у вас всё будет более справедливым и благочестивым образом, и по отношению к богам, и по отношению к людям! Поэтому я считаю: как она немилосердно и безжалостно погубила его, так она и сама должна быть погублена вами и справедливостью. 26. Она-то его убила по своей воле и умыслу, а он погиб против своей воли, насильственно. Ибо разве же не насильственно погиб, граждане, тот, кто собирался отплыть из этой земли и пировал у человека, бывшего ему другом? А она, послав зелье и приказав дать его ему выпить, убила нашего отца! Так как же возможно такую жалеть, как возможно ей получить милость от вас или от кого бы то ни было, – ей, которая сама не пожалела собственного мужа, а нечестиво и позорно погубила его? 27. В самом деле, так и подобает – чувствовать большее сострадание при несчастьях, случившихся против воли, чем при обидах и проступках, совершенных намеренно, умышленно. И как она погубила его, не устыдившись и не побоявшись ни богов, ни героев, ни людей, – так пусть и она сама подвергнется справедливейшему наказанию, пусть она будет погублена вами и справедливостью, не встретив с вашей стороны ни милости, ни жалости, ни уважения.

28. Удивляюсь я все-таки дерзости брата³⁷ и его намерению принести клятву за свою мать: дескать, он хорошо знает, что она ничего такого не совершала. Ибо как кто-либо может хорошо знать дела, в которых он сам не принимал участия? Ведь никогда те, кто замышляет убийство близких, не задумывают и не готовят его при свидетелях. Напротив, они стараются сделать это как только можно скрытно, чтобы ни один человек не узнал. 29. А те, против кого злоумышляют, ничего не знают до тех пор, пока уже не столкнутся с самим злом; тогда-то они понимают, в каком несчастье оказались. Тогда они, если имеют возможность и время перед смертью³⁸, созывают и друзей и родственников своих, и свидетельствуют, и говорят им, по чьей вине они гибнут, и поручают отомстить за них обидчикам. 30. Именно это и мне, когда я был мальчиком, поручил отец, страдая от тяжелой, смертельной болезни. А если им это не удается, то они пишут письма, призывают своих домашних³⁹ в качестве свидетелей и объявляют, кем они убиты. Вот и отец мне, еще в юности моей, это объявил и написал⁴⁰ – мне, граждане, а не своим рабам.

31. Итак, это мной сообщено, и тем оказана помощь и умершему, и закону. Теперь ваша задача – самим обдумать остальное и вынести справедливый приговор. Считаю, что и подземным богам небезразличны те, кому нанесена обида.

³⁶ В оригинале – игра слов: «судьи» – δικασταί, «нести наказание» – δίκην δίδοναι, «преступники» – οἱ ἄδικοῦντες. Эта игра слов продолжается и в первой фразе следующего параграфа.

³⁷ Начинается заключение (peroratio), в котором говорящий напоминает о самых сильных своих доводах, сообщает некоторые новые обстоятельства и – в самом конце – вновь призывает благорасположение судей.

³⁸ Как в случае с отцом обвинителя, который, в отличие от Филонея, скончался не сразу, а около двадцати дней болел.

³⁹ Здесь под «домашними» (οἰκέται) имеются в виду, очевидно, домашние рабы. Это вытекает из сопоставления данной фразы со следующей.

⁴⁰ То есть и устно объявил, и дал письменное распоряжение.

II. ПЕРВАЯ ТЕТРАЛОГИЯ

Три «Тетралогии» (речи II, III, IV) – самые ранние из полностью сохранившихся сочинений Антифонта; они датируются 440-ми гг. до н.э.¹ Во всяком случае, так считают специалисты, признающие, что «Тетралогии» действительно написаны Антифонтом. Есть, правда, и альтернативная точка зрения, согласно которой они попали в его корпус по ошибке, а на деле принадлежат перу какого-то другого, не известного нам писателя, причем даже не афинского². В таком случае их обычно относят к гораздо более позднему времени – к первой половине IV в. до н.э. Однако сторонники этого второго мнения находятся, пожалуй, в меньшинстве, да и аргументы их выглядят слабее. В частности, сравнительно недавно рядом исследователей были высказаны весьма убедительные, веские доводы в пользу антифоновского авторства³. Особенно важны наблюдения М. Гагарина о корреляции в идеях между «Тетралогиями» и философским трактатом «Об истине» (из него в нашем распоряжении имеются довольно пространственные и репрезентативные фрагменты⁴), в принадлежности которого Антифону сомневаться нет никаких оснований⁵.

Таким образом, «Тетралогии» Антифонта (резонно рассматривать их как единое, целостное произведение, части которого органично связаны между собой) представляют собой древнейший целиком дошедший до нас памятник древнегреческой прозы. Впрочем, их уникальность связана не только с этим. «Тетралогии» стоят совершенно особняком, не имеют сколько-нибудь близких параллелей во всей античной греческой литературе. Перед нами три цикла речей (в каждом две обвинительные и две защитительные, итого четыре, отсюда и название «Тетралогии»), написанных для вымышленных, никогда реально не проходивших судебных процессов.

Дискуссионным является вопрос о цели написания «Тетралогий». Обычно считается, что они были составлены Антифонтом как риторические упражнения для нужд преподавания в основанной им школе ораторского искусства⁶. Однако относительно недавно М. Гагарин в книге, которая на сегодняшний день является, безусловно, лучшим исследованием об Антифоне⁷, выдвинул и убедительно обосновал иную идею⁸: в действительности «Тетралогии», несмотря на внешнюю риторическую форму, – по сути своей философское произведение в духе софистов (Антифонт был активным участником софистического движения⁹). Как нам представляется, по-своему правы обе стороны – и Гагарин, и представители традиционной точки зрения. «Тетралогии» являются одновременно и философским трактатом, и риторически отточенным текстом, и – не в последнюю очередь – немаловажным памятником юридической мысли.

Три «Тетралогии» посвящены процессам, связанным с теми тремя видами убийств, которые выделяло аттическое право и которые, соответственно, находились в компетенции трех разных судебных органов. А именно: дела об умышленных убийствах слушались в Ареопаге, дела о неумышленных – в суде Палладия, а в суд Дельфиния поступали случаи так называемых оправданных или дозволенных убийств – когда обвиняемый признавал сам факт умерщвления человека, но утверждал, что это произошло без нарушения закона.

В первой «Тетралогии» рассматривается дело об умышленном убийстве. Родственники некоего гражданина, чей труп был найден ночью на улице, обвиняют в убийстве одного из его личных недругов, а тот отрицает свою причастность к преступлению. Если бы процесс реально проходил в Афинах, он имел бы место в Ареопаге.

¹ Zuntz 1949, 103; Avery 1982, 157; Gagarin 2002, 179. Ср. Dover 1950, 59 (с некоторыми колебаниями).

² Mühlh 1948; Carawan 1993; 1998, 171 ff.

³ Например: Zinsmaier 1998; Gagarin 2002, 52 ff.

⁴ См. об этих фрагментах (с их русским переводом): Суриков, 2010.

⁵ Gagarin 2002, 103 ff. Ср. также Morrison 1963, 35.

⁶ Carawan 1998, 171 ff.; Barta 2011, 139 ff.

⁷ Характеристику этой работы см. Суриков 2011.

⁸ Gagarin 2002, 103 ff.

⁹ Kerferd 1981, 30–31, 50–51. Попытку соотнести Антифонта с другими современными ему мыслителями см. также Saunders 1977/1978.

А. Обвинительная речь по делу об убийстве, против кого неизвестно

Содержание

Антифонт повсюду показывает присущую ему силу, но особенно – в этих тетралогиях, в которых он состязается сам с собой: ибо, сказав две речи за обвинителя, он позаботился и о двух речах за обвиняемого, причем и в тех и в других в равной степени отличился. Итак, эта речь напоминает речь Лисия, написанную против Микина¹⁰; содержание же она имеет следующее. Некто, возвращавшийся с обеда, был найден заколотым вместе с провожатым¹¹. После его смерти какой-то его родственник обвиняет его врага в том, что он совершил убийство, а тот отрицает. Поэтому статус речи – предположительный, причем не в полной мере: предположение высказывается только относительно лица. А деление речи таково. Во вступлении...¹² Обращения к судьям речь не имеет – из-за того, что тогда еще всё это искусство не было хорошо известно. Говорящий первую речь в судебных процессах вначале обратился к рассмотрению причин, посредством чего он показал, что убийцей не является никто из тех, которые должны быть в числе подозреваемых. Затем он так изменяет постановку вопроса, чтобы показать, что человек погиб в результате злоумышления, и, наконец, делает упор на этот момент умысла. Требование доказательств он снимает ввиду свидетельства раба. Затем идут отступление и заключение.

1. Те дела, которые замышляются кем попало, нетрудно изобличить. Но когда такое совершают люди с недурными способностями, опытные в делах, находящиеся в том возрасте, в котором мысль работает лучше всего, – трудно их и опознать, и изобличить. 2. Ведь из-за большого риска те, кто такое замышляет, заранее заботятся о безопасности. Они не раньше берутся за дело, чем примут меры против любого подозрения. Итак, вам¹³, зная это, следует, даже если вы услышите что-нибудь правдоподобное, вполне верить. А мы, возбуждая иск об убийстве, вовсе не желаем преследовать невиновного, отступившись от виновника. 3. Ведь мы точно знаем, что весь город будет им осквернен¹⁴, пока мы не начнем его преследовать. И кощунство ложится на нас, и наказание за вашу ошибку падает на нас, коль скоро мы не по справедливости обвиняем. А поскольку вся скверна падает на нас, мы попытаемся на основании того, что знаем, со всей возможной ясностью показать вам, что он¹⁵ убил человека.

¹⁶ ... Ибо никто, коль скоро он так сильно рисковал своей жизнью, не отверг бы готовой выгоды, находящейся у него в руках: а между тем жертвы были найдены в гиматиях¹⁷. И, право же, не убил его кто-то, бесчинствуя в пьяном виде; иначе он был бы опознан

¹⁰ Речь Лисия против Микина, к сожалению, не сохранилась. Она была, судя по тому, что о ней известно, ценным памятником юридической мысли.

¹¹ Имеется в виду раб-провожатый. В действительности обстоятельства дела были несколько иными (раб был не убит, а смертельно ранен); см. текст самой речи.

¹² В тексте лакуна.

¹³ Обращение к судьям.

¹⁴ В исследовательской литературе часто отмечается (см. хотя бы: Carawan 1998, 192 ff.; Gagarin 2002, 109 ff.), что мотив скверны, порожденной убийством, постоянно фигурирует именно в «Тетралогиях» Антифонта (в дальнейшем мы не раз будем иметь возможность в этом убедиться), в то время как в его речах, написанных для реальных процессов, этот мотив практически отсутствует, хотя они тоже посвящены тематике, связанной с убийствами. В «Тетралогиях», таким образом, проявляется какой-то более архаичный тип мышления. Иногда считают, что причина этого – более раннее время написания «Тетралогий» по сравнению с другими дошедшими произведениями Антифонта. Нам, однако, представляется, что дело скорее в другом. В «Тетралогиях» не требовалось применяться к реальным воззрениям присяжных, слушающих дело; в них Антифонт мог свободно сосредоточиться на тех аспектах рассматриваемой проблематики, которые были наиболее интересны ему самому.

¹⁵ Обвиняемый.

¹⁶ В начале этого параграфа в тексте имеется лакуна, которая в издании Бласса – Тальхейма восполняется так: «И ведь не похоже, что этого человека убили злодеи». Дополнение представляется довольно вероятным, его в большинстве своем воспроизводят и последующие издания. «Злодеи» (κακοῦροι) – здесь уличные грабители. См. об этой категории преступников: Hansen 1976.

¹⁷ То есть не раздетые, не ограбленные.

участниками пирушки. И не из-за перебранки случилось это: не на исходе ночи и не в одиночестве бранились они¹⁸. И не попал он в него, метя в другого¹⁹: иначе он не убил бы вместе с ним и провожатого. 5. А коль скоро устраняется любое²⁰ другое подозрение, сама смерть показывает, что человек был умышленно убит. Кто же с большей вероятностью предпринял это дело, если не тот, кто уже раньше претерпел от убитого много зол и считал, что претерпит еще больше? Обвиняемый именно таков: ведь он, издавна будучи враждебен своей жертве, возбуждал против нее многочисленные и серьезные иски публичного характера, но ни в одном не победил. 6. Он и сам подвергался со стороны жертвы еще более серьезным и многочисленным искам, причем ни разу не был оправдан, и в результате лишился значительной части состояния. Так, совсем недавно он был обвинен убитым в краже священных предметов, и ему грозил штраф в два таланта. Он сознавал, что совершил преступление, на опыте столкнулся с искусством своего противника и питал к нему злобу за эти прежние события. Так вероятно, что он и замыслил убийство; вероятно и то, что он убил человека, защищаясь от его враждебности. 7. Ведь и желание мести заставило его забыть об опасностях, и боязнь грядущих неприятностей, выводя его из себя, побудила действовать с большей горячностью. К тому же он надеялся, совершив это, что убийство останется нераскрытым и он избежит процесса о краже: никто не выступит с жалобой и дело пройдет без последствий. 8. Впрочем, он полагал, что, даже если и будет осужден, то достойнее претерпеть это, отомстив, чем малодушно погибнуть в результате процесса, никак за это не отплатив. А он твердо знал, что процесс проиграет: ведь иначе он не считал бы, что теперешний суд для него безопаснее²¹.

9. Это и заставило его совершить нечестие²². Свидетелей же преступления, если бы их было много, мы бы многих и представили. Но присутствовал при деле один лишь провожатый, и свидетельствовать будут те, кто его слышал. Ведь он был подобран еще живым; мы его расспрашивали, и он сказал, что из тех, кто их бил, он узнал только этого человека²³. Последний совершенно изобличается и соображениями вероятности, и очевидцами, и он никаким образом не может быть вами оправдан: это было бы и несправедливо, и не полезно. 10. Ибо злоумышленников вообще невозможно будет изобличать, если они не изобличаются ни очевидцами, ни соображениями вероятности. И не полезно вам, что такой человек, оскверненный и запятнанный преступлением, входя в святилища богов, оскверняет и их чистоту, а также, садясь за один стол с невиновными, заражает их своей скверной. Ведь от этого случаются и неурожаи, да и в целом дела идут плохо²⁴. 11. Итак, вам следует считать наказание этого человека делом, имеющим отношение к вам самим: возложите на него самого его нечестивые поступки и сделайте так, чтобы это было его личное несчастье, а город от него был бы чист.

В. Защитительная речь по тому же делу

Содержание

Защищающийся признает свою прежнюю вражду с погибшим, но отрицает убийство и в качестве довода в пользу того, что он не убивал, приводит сам факт вражды. Ведь он говорит, что, будучи врагом, знал: в любом случае вина будет возведена на него; потому-то он и не пошел бы на убийство.

¹⁸ Спорное место. В этой фразе Жерне дополняет частицу *ἄν*, Бласс и Тальхейм – нет. А ведь в зависимости от ее наличия или отсутствия смысл меняется, можно сказать, на противоположный (*casus realis* переходит в *casus irrealis*). Мы переводим исходя из текста оригинала, в которой частицы *ἄν* нет.

¹⁹ То есть по ошибке.

²⁰ «Любое» – дополнение Жерне.

²¹ Некорректный аргумент, основанный на *petitio principii*.

²² Убийство характеризуется здесь как нечестие, т.е. вновь подчеркивается религиозный характер этого преступления.

²³ Обвиняемого.

²⁴ Вновь мотив скверны.

Порочит он и свидетельство раба, говоря, что оно было дано по наущению господ. Как он утверждает, вовсе не невероятно, что убийство было совершено какими-то злодеями, но просто они не успели снять с убитых гиматии.

1. Думаю, что не ошибаюсь, считая себя несчастнейшим из всех людей. У других попавших в несчастье бывает так: если они страдают от бури, с наступлением хорошей погоды приходит им облегчение; а если они болеют, то с выздоровлением спасаются. И если какая-нибудь другая беда обрушивается на них, изменение ситуации на противоположную для них полезно. 2. А для меня этот человек²⁵ и когда был жив, стал разрушителем дома²⁶, и когда умер, принес достаточно горестей и забот – даже если я буду оправдан. Ведь я дошел до такого несчастья, что мне недостаточно продемонстрировать свою чистоту и невиновность, чтобы избежать гибели. Нет, если я не найду убийцу и не изобличу его – а мстителю-то за убитого оказались не в состоянии его найти! – я сам буду сочтен убийцей и нечестиво осужден. 3. Обвинители заявляют, с одной стороны, что я искусен и меня поэтому трудно изобличить, а с другой стороны – что я глуп: по делам-де видно того, кто их совершил. Ведь коль скоро из-за страшной вражды между мною и убитым вы исходя из соображений вероятности теперь подозреваете меня, – то ведь еще вероятнее, что я перед тем, как что-либо совершить, подумал бы о том, что на меня-то и падет подозрение. Я уж скорее и кому-нибудь другому стал бы препятствовать, если бы узнал, что он злоумышляет против убитого, и уж тем более не взялся бы за преступление сам, чтобы по своей воле попасть под явное подозрение! Ибо в случае раскрытия дела я погибал бы безусловно, но я точно знал, что даже и в случае, если дело не раскроют, это подозрение всё равно падет на меня. 4. Итак, тяжело мне приходится: меня принуждают не только себя защищать, но и установить истинных убийц²⁷. Однако же приходится приняться и за это: ведь, кажется, нет ничего горше необходимости. И я не могу изобличить их никаким иным способом, кроме как на основании того, что сказал обвинитель, отводя подозрение от других людей: дескать, сама смерть показывает, что убийца – я. Коль скоро в случае, если другие люди признаются невиновными, преступником оказываюсь я, – то, раз эти другие люди попадают под подозрение, я могу по справедливости считаться ничем не запятанным²⁸.

5. Вовсе не является невероятным, как они говорят, а, напротив, вполне вероятным, что человека, бродящего поздно ночью, убили именно из-за гиматиев. А что его не раздели – это ничего не доказывает: возможно, убийцы не успели снять с него одежду, а услышав, что кто-то идет, испугались и удалились. Предпочтя спасение выгоде, они поступили как здравомыслящие, а не как безумные люди. 6. А возможно, он и не ради гиматиев был убит, а увидел, что другие люди творят какое-нибудь зло, и они погубили его, чтобы он не стал доносчиком об их преступлении... Кто знает? Далее, было много людей, ненавидевших его не намного меньше, чем я, – почему более правдоподобно, что я его убил, а не они? Они прекрасно понимали, что подозрение падет на меня, а я точно знал, что меня объявят виновником вместо них. 7. А свидетельство провожатого – разве оно заслуживает того, чтобы ему верить? Он был в ужасе от грозившей ему опасности, и невероятно, чтобы он смог опознать убийц, а похоже, что он указал на того, на кого ему велели указать хозяева. Свидетельствам других рабов мы не доверяем – иначе мы не подвергали бы их пытке, – так разве справедливо поверить этому, выступающему свидетелем²⁹, и тем погубить меня? 8. А

²⁵ Имеется в виду убитый.

²⁶ Одержав победу над говорящим в ряде судебных процессов, в результате чего штрафы довели того до разорения.

²⁷ Греческое право не предполагало существования специальных следственных органов. Фактически следствие приходилось вести самим тяжущимся сторонам, которые потом и представляли полученные результаты суду. Иными словами, могло вестись одновременно два альтернативных следствия – стороной обвинения и обвиняемой стороной.

²⁸ Достаточно тонкий риторический ход. Судьи, не являвшиеся в массе своей людьми высокого образования, могли и не заметить софистической уловки, кроющейся в этом аргументе.

²⁹ Говорящий совершенно сознательно не акцентирует тот факт, что раб был при смерти и его просто нельзя было подвергнуть допросу по всей форме, с пыткой, как полагалось.

если кто считает, что доводы от правдоподобия в равной степени с истиной свидетельствуют против меня, тому опять же следует принять в расчет, что я с большей вероятностью остерегался бы, держась подальше от коварных замыслов, и не появился бы лично при деле, не дал бы этому провожатому опознать меня, когда его закалывали. 9. Я покажу вам, что если я не сошел с ума, то должен был понимать: в смысле риска это не безопаснее, чем выдержать процесс³⁰, а, напротив, многократно опаснее. Я знал, что, если проиграю процесс, имущества лишусь, но жизнь и город не потеряю³¹; я останусь в живых и на родине, и, даже если мне придется просить вспомоществования у друзей, все-таки меня не постигнет самое худшее зло. Точно так же я знал, что, если меня на нынешнем суде приговорят к казни и я погибну, я оставлю детям в наследство нечестивый позор; или я уйду в изгнание³² и буду не имеющим отечества стариком нищенствовать на чужбине.

10. Таким образом, то, в чем меня обвиняют, целиком не заслуживает доверия. Намного справедливее было бы вам меня оправдать, коль скоро я не убивал этого человека – пусть это не видно из соображений вероятности, но это видно по существу дела. И ведь ясно, что я защищался от великой несправедливости: иначе не казалось бы вероятным, что я убил его. Правильным с вашей стороны было бы осуждать убийц, а не тех, кого обвиняют в убийстве. 11. В любом случае, я, со своей стороны, будучи свободен от вины, не оскверню чистоту богов, если войду в святилища, и не совершу чего-либо нечестивого, убеждая вас оправдать меня. А те, кто преследует меня, человека невиновного, виновника же прощает, оказываются виновниками неурожая³³: они убеждают вас совершить кощунство по отношению к богам, и по справедливости они сами должны претерпеть всё то, чего, по их мнению, заслуживаю я. 12. Итак, этого они достойны, так что считайте их не заслуживающими доверия. А обо мне если будете судить на основании того, что мною раньше сделано³⁴, то увидите, что я не злоумышляю и не стремлюсь к вещам неподобающим; напротив того, я много раз платил большие экстраординарные налоги³⁵, много раз был и триерархом, со славой исполнил должность хорега³⁶, многим помогал деньгами, за многих выступал в качестве поручителя и опять же платил из-за этого большие деньги. Состояние свое я приобрел не тяжбами, а трудом; я набожен и законопослушен³⁷. Коль скоро я таков, не обвиняйте меня в чем-либо нечестивом или постыдном! 13. Если бы меня обвинял этот человек, бу-

³⁰ То есть процесс, который грозил говорящему по обвинению убитого.

³¹ То есть по процессу о краже два самых суровых из возможных наказаний – смертная казнь и изгнание – говорящему не грозили.

³² По афинским законам умышленный убийца мог избежать казни, уйдя в изгнание – либо сразу, не доводя дело до суда, либо даже в ходе судебного процесса, после того как стороны в первый раз обменялись речами (случай реализации обвиняемым этого права встретим ниже, в третьей «Тетралогии»). В целом о судопроизводстве в связи с делами об убийствах см. MacDowell 1963.

³³ Религиозный аспект ошибочного приговора по делу об убийстве заключался даже не в том, что казнили невиновного (казнь в любом случае не считалась кровопролитием, порождающим скверну), а в том, что подлинный убийца, оставшись в живых, продолжал быть «распространителем скверны» в полисе.

³⁴ В ходе судебных процессов в гелие судили, в сущности, не деяние, а индивида (подробнее см. Суриков 1999). Истец и ответчик часто воспринимали судебные речи как возможность дать отчет в своей предшествующей жизни, рассказать о своих благодеяниях полису; считалось, что наличие прошлых заслуг увеличивает шансы на победу. В результате судебные речи изобилуют отступлениями от основной темы. Правда, в афинских судах по делам об убийствах законодательно предписывалось говорить только о вещах, имеющих непосредственное отношение к иску. Но даже и в этих судилищах такой порядок не очень-то строго соблюдался.

³⁵ Имеется в виду эйсфора.

³⁶ В связи с хорегией, которая была, наряду с триерархией, одной из самых важных литургий, наиболее важна информация в VI речи Антифонта «О хоревте». О литургиях в целом см. относительно недавнее отечественное исследование: Бондарь 2009.

³⁷ Обвиняемый, таким образом, позиционирует себя как состоятельного (до неудачных тяжб), политически активного, влиятельного гражданина, отвечающего представлениям о достойном члене гражданского коллектива.

лучи еще жив, я бы не только говорил в свою защиту, но и доказал бы, что несправедливо поступает и он сам, и те, кто якобы³⁸ ему помогает, а на самом деле за мой счет поживиться желает³⁹ из-за того, в чем вы меня обвиняете. Однако я это опущу: так будет приличнее или справедливее. Но я молю вас, граждане, судьи и господа величайших дел: сжальтесь над моим несчастьем и станьте его целителями, а не присоединитесь к нападению этих людей⁴⁰, не допустите, чтобы я несправедливо и безбожно был уничтожен ими!

Г. Вторая обвинительная речь

Содержание

Говорящий здесь опровергает сказанное обвиняемым, утверждая, что свидетельство раба нельзя считать не заслуживающим доверия. Также, по его мнению, не является невероятным, что богатый и известный человек совершил убийство: ведь ему предстояло подвергнуться опасности со стороны убитого и лишиться состояния. Предположения же он опровергает путем изменения их смысла: обвиняемый сказал, что он несчастен, а обвинитель изменяет смысл сказанного, говоря, что тот обижает само несчастье.

1. Этот человек даже само несчастье несправедливо обижает, прикрывая им свое злодейство и стараясь скрыть свою оскверненность. Он не достоин того, чтобы вы его помиловали: он причинил своей жертве беду, которой та не желала, и, значит, по собственному желанию сам навлек на себя опасность. Итак, что он убил человека – это мы доказали в предыдущей речи; а теперь попробуем продемонстрировать, что он неправильно построил свою защиту.

2. Ибо если бы убийцы⁴¹, увидев издали каких-то подходящих людей, бросились бежать, оставив убитых и не успев их раздеть, то люди, наткнувшись на них, увидели бы, что хозяин мертв, а слуга-то жив; ведь его потом подняли еще в сознании, и он свидетельствовал⁴². И они, хорошенько расспросив его о виновниках, сообщили бы нам; и тогда этого человека не обвиняли бы. А если бы люди были убиты теми, кого они застали при совершении какого-то другого злодейства, чтобы они их не опознали, – то тогда одновременно с убийством было бы объявлено и об этом другом злодействе, и подозрение пало бы на людей, его совершивших. 3. И я не знаю, каким образом против убитого скорее стали бы злоумышлять те, кто находился в меньшей опасности, чем те, кто испытывал больший страх. Ибо последних страх и обида должны были в достаточной мере заставить забыть об осторожности. А для первых опасность и стыд значили бы больше, чем вражда; даже если бы они и замыслили совершить такое, эти чувства побудили бы их образумиться и смирить гнев в душе. 4. И неправильно они⁴³ говорят, что свидетельство провожатого не заслуживает доверия. Ведь за такие-то свидетельства рабов не пытаются, а отпускают на волю. Вот когда они украдут и не сознаются или показаниями покрывают своих хозяев – тогда мы их пытаем, желая, чтобы они сказали правду. 5. Также не более правдоподобно было обвиняемому отсутствовать при убийстве, чем присутствовать. Ведь если бы он и отсутствовал, всё равно опасность для него была бы такая же, как и в случае присутствия. Ибо любой из убийц, будучи схвачен, показал бы именно на него как на организатора преступления. А при том дело без него пошло бы хуже: никто же из участников не стремился совершить его с большей решительностью, чем он. 6. Теперь покажу, что от затеянного против него

³⁸ Считаем правомерным, что Жерне в этом месте вводит в текст *οὐ*. В данном контексте передаем частицу как «якобы».

³⁹ Тут мы попытались передать в переводе («поступает... помогает... желает») имеющийся в оригинале гомеотелев.

⁴⁰ Обвинителей.

⁴¹ Имеется в виду версия, согласно которой убийство совершили грабители.

⁴² Последняя часть фразы (от «ведь») в издании Бласса–Тальхейма исключается, но, на наш взгляд, без серьезных оснований.

⁴³ Имеется в виду обвиняемый, хоть он и был один; в судебных (да и не только судебных) речах довольно часто множественное лицо встречается по отношению к одному человеку.

публичного процесса опасность для него была не меньше, а намного больше, чем эта, из-за убийства, и он это понимал. Положим, что у него в обоих судебных делах были равные шансы быть осужденным или оправданным. При этом пренебречь публичным процессом у него не было никакой возможности, пока был жив обвинитель: его он не уговорил бы отозвать иск. А на этот суд он надеялся и не попасть, поскольку считал, что ему удастся совершить убийство тайно. 7. Считая же, что вы не должны думать о нем что-либо худое⁴⁴ именно из-за того, что на него падает явное подозрение, он считает неверно. Ведь если бы подозрения было достаточно, чтобы отвратить его от нападения, хоть он и находился в величайшей опасности, – то уж точно и никто другой не замыслил бы этого преступления. Ибо любой человек, находящийся в меньшей опасности, имел бы еще меньше оснований, чем этот, совершить нападение: боязнь подозрения для него тоже была бы сильнее опасности⁴⁵. 8. А экстраординарные налоги и хорегии – достаточный признак богатства, но они не противоречат тому, что обвиняемый мог убить человека. Как раз боясь за это самое богатство – как бы его не лишиться, – он с большой вероятностью и совершил нечестивое убийство. Заявляя же, что убийцы – это не те, кого предполагают убийцами, а те, кто действительно совершил убийство, – он верно говорит относительно убийц, но если бы нам было точно известно, кто были эти убившие! Поскольку же убившие не обнаружены, а этот человек изобличается соображениями правдоподобия, – то, значит, именно он и никто другой будет убийцей⁴⁶. Ведь такие вещи делаются не при свидетелях, а скрытно.

9. Так что ясно из его собственной защитительной речи: он уличен в умерщвлении человека и хочет от вас не чего-либо иного, а просто направить свою скверну на вас самих⁴⁷. А мы от вас ничего не хотим, только говорим вам: если теперь обвиняемый не уличается ни соображениями правдоподобия, ни свидетельствами, то, значит, вообще не бывает никаких улик против обвиняемых! 10. Вы твердо знаете, как погиб человек; следы подозрения явно указывают на обвиняемого; о том же надежно свидетельствовал и провожатый; разве же будет справедливым, если вы вынесете оправдательный приговор? Если же обвиняемый будет вами не по справедливости оправдан, дух умершего не нам будет мстить; нет, убийство будет лежать на вашей совести. 11. Итак, зная это, помогите погибшему, накажите убийцу, очистите город! Ведь этим вы совершите три благих дела: сделаете так, что людей, замышляющих преступления, будет меньше, людей, заботящихся о благочестии, – больше, а также и сами очиститесь от скверны, исходящей от этого человека.

Δ. Вторая защитительная речь

Содержание

[Вот, заявляет говорящий, я и мое несчастье. Говорит он это в указательном смысле, намекая на себя: я, дескать, предаю себя и своему несчастью, и злодейству этих людей.]⁴⁸ В качестве довода в пользу того, что он не совершал убийства, защищающийся указывает, что он никуда не выходил в ту ночь, и для доказательства этого готов выдать на пытку всех своих домочадцев.

1. Вот, я добровольно вверяю себя и несчастью, которым, по их словам, я несправедливо прикрываюсь, и их вражде; я боюсь чудовищности их клеветы, но я верю вашему разуму и истине совершенных мной дел. Лишаемый этими людьми возможности даже оплакать перед вами мои наличные бедствия, я нахожусь в затруднении: к чему другому мне следует

⁴⁴ То есть подозревать в совершении убийства.

⁴⁵ Ход рассуждения изощренный до запутанности.

⁴⁶ Таким образом, обвинитель готов признать, что убийцами были какие-то другие люди, но, поскольку найти их не удалось, остается возложить вину на того, кто в данном процессе выступает в роли обвиняемого. Позиция, на наш современный взгляд, достаточно циничная.

⁴⁷ Если суд оправдает обвиняемого, то (при условии, если он – действительно убийца) получится, что оскверненный будет безнаказанно распространять свою скверну в полисе, а виновны в том будут судьи. Им же, по мнению обвинителя, будет мстить и дух убитого (см. ниже).

⁴⁸ Поставленные в квадратные скобки слова некоторыми издателями исключаются.

прибегнуть в поисках спасения? 2. Ведь они клеветают на меня самым невиданным образом, – да что там, лучше сказать: самым злодейским образом! Ибо они прикидываются обвинителями и мстителями за убийство, но защищают всех тех, кто поистине заслуживает подозрения, а меня объявляют убийцей из-за того, что они не знают, кто совершил убийство. Таким образом, они делают противоположное тому, что им надлежит делать: ведь ясно же, что они желают меня несправедливо погубить, а не убийце отомстить. 3. Мне же следует сделать не что иное, как оправдаться против свидетельства провожатого. Я ведь не доносчик и не обличитель убийц; я просто отвечаю в качестве обвиняемого⁴⁹. Но все-таки потружусь – пусть даже это и излишне – над тем, чтобы в любом случае доказать вам: эти люди злоумышляют против меня, а сам я чист от подозрений. 4. Итак, я прошу, чтобы мое несчастье, из-за которого они на меня клеветают, превратилось в счастье; хочу, чтобы вы порадовали меня, оправдав, а не жалели, осудив.

Обвинители утверждают, что среди тех, кто наткнулся на людей, подвергшихся нападению, не могло быть такого, кто с большей вероятностью не разузнал бы в точности, кто были убийцы, и не сообщил бы о них в дом жертв, а оставил бы место происшествия и обратился бы в бегство. 5. А я вот полагаю, что вообще нет такого отважного и мужественного человека, который, случайно встретив среди ночи еще трепещущие трупы, не убежит, а будет подвергать опасности свою жизнь, расспрашивая о тех, кто совершил это злодейство. А коль скоро вероятно, что очевидцы поступили бы именно так, то невероятно, что лица, совершившие убийство из-за гиматиев, напали бы на них. И это тоже снимает с меня подозрения. 6. А было ли объявлено о каком-либо другом злодействе, совершенном одновременно с убийством этих людей, – кто знает? Ни у кого не было заботы следить за этим. А коль скоро такое объявление прошло незамеченным, нет ничего невероятного, что убитый пал жертвой именно этих злодеев⁵⁰. 7. А свидетельство слуги – разве следует считать его более заслуживающим доверия, чем показания свободных людей? Ведь последних лишают гражданских прав и наказывают деньгами, если сочтут, что они лжесвидетельствуют; а раб не представил никакого доказательства и не прошел через пытку – так какое наказание он понесет? Или как это можно расследовать? Во всяком случае, он знал, что будет свидетельствовать безнаказанно, и ничего удивительного, что его хозяева – а они мне враги – убедили его оклеветать меня⁵¹. А я-то могу нечестиво пострадать, если буду ими погублен посредством ненадежных показаний! 8. Они заявляют, что подозрительнее для меня было бы не присутствовать при убийстве, чем присутствовать. А я покажу, что не присутствовал, причем покажу, опираясь не на соображения вероятности, а на факты. Я передаю на пытку всех рабов и рабынь, которые у меня есть. И если окажется, что в ту ночь я не спал дома, а куда-то выходил, – тогда, согласен, я убийца⁵². А та ночь была не

⁴⁹ Обвиняемый постоянно повторяет, что не его задача – назвать истинных убийц, ему достаточно просто привести доказательства своей невиновности.

⁵⁰ Обвиняемый парирует приводившиеся обвинителем аргументы «от правдоподобия».

⁵¹ Здесь есть выражения, которые могут показаться несообразными. «Какое наказание он понесет?» – говорится, и именно в будущем времени, об уже умершем рабе. Выражение «свидетельствовать безнаказанно» употреблено применительно к тому же рабу; это мягко говоря, не самый лучший (в том числе и с этической точки зрения) способ выразиться о последних словах умирающего от смертельных ран человека. Конечно, безнаказанно; но «ускользнул»-то раб от наказания не каким иным путем, а скончавшись. И вряд ли перед смертью его очень грела мысль о том, что он «свидетельствует безнаказанно». Однако говорящий речь, несомненно, высказывается именно в подобном духе совершенно намеренно. Он хочет перевести разговор с частного случая на общее правило: показания раба, полученные без пытки, ни при каких обстоятельствах (даже при таких!) не могут быть аргументом в суде.

⁵² Обвиняемый делает свой, так сказать, «коронный ход». Он вдруг объявляет, что у него есть алиби (а коль скоро это так, то любые подозрения с него, понятно, заведомо снимаются)! И готов подтвердить это алиби, предлагая для пытки всех своих рабов и рабынь. Почему же, если этот человек имел алиби, он так долго молчал о нем и привел соответствующий довод только почти в самом конце своей последней речи? Ведь если бы он сделал это уже в начале суда, а лучше – еще до процесса, позиции обвинения были бы сразу же полностью разрушены. М. Гагарин полагает, что

простая: убийство произошло во время Диполий⁵³. 9. Что же касается богатства, – а они заявляют, что, по всей вероятности, из страха за него-то я и убил человека, – то и тут всё обстоит совершенно противоположным образом. Замышлять всякие нехорошие дела подобает людям неудачливым: ведь они могут считать, что в результате свершившихся перемен и их дурная судьба переменится к лучшему. А тем, кто счастлив, подобает сохранять спокойствие и блюсти свое наличное счастье⁵⁴. Ибо в случае перемены обстоятельств они из счастливых превратятся в несчастных. 10. Обвинители притязают на то, чтобы избличать меня на основании соображений вероятности, но в то же время заявляют, что я – не вероятный, а действительный убийца этого человека. Так вот, прочие соображения вероятности говорят скорее в мою пользу; а тот, кто свидетельствовал против меня⁵⁵, как доказано, не заслуживает доверия, и его показания не являются доказательством. И все признаки, как я показал, за меня, а не за них; и следы убийства ведут не в мою сторону, а в сторону тех людей, которых обвинители оправдывают, как они сами же и продемонстрировали. Коль скоро же доказано, что все обвинения не заслуживают доверия, то не в случае моего оправдания нельзя будет избличать злодеев, а в случае моего осуждения у обвиняемых не останется никаких средств защитить себя⁵⁶.

11. Таким образом, обвинители, несправедливо преследуя меня и нечестиво желая погубить, сами себя объявляют чистыми, а про меня, который убеждает вас блюсти благочестие, говорят, будто я совершаю нечестивые дела. Я же, будучи чист от любой вины, относительно себя прошу вас почитать благочестие тех, кто не совершает ничего несправедливого, а относительно умершего – напоминаю о возмездии⁵⁷ и убеждаю вас не прощать виновника, вместо него осудив невиновного. Ведь если меня казнят, никто уж не будет искать виновника. 12. Итак, благоговей перед этим, благочестиво и справедливо оправдайте меня, а не расследуйте преступление потом, после раскаяния. Ведь в таких делах раскаяние уже не поможет.

автор «Тетралогии», Антифонт, вводит мотив алиби в конце, имея определенную цель. А именно: он хочет показать, что в тех судебных процессах, в которых прения сторон основываются на слабых, косвенных доводах (здесь перед нами как раз такой случай), один по-настоящему сильный аргумент может внезапно коренным образом изменить весь ход дела (Gagarin 2002, 114 ff.). Мы вполне солидаризируемся с ходом мысли американского исследователя, но только хотели бы дополнить его еще одним соображением: обвиняемый у Антифонта противопоставляет собственное поведение поведению обвинителей, причем, разумеется, к вящей своей пользе. Те, дескать, опираются на показания одного-единственного раба, причем полученные неправильным образом, без пытки. А сам он готов предоставить для допроса *всех* своих рабов, причем для допроса по всей форме – с пыткой.

⁵³ Диполии (Диполии), называемые также Буфониями, – аттический праздник в честь Зевса, справлявшийся в *скирофорионе* – последнем месяце афинского календаря, т.е. летом. Смысл упоминания неясен: ритуалы праздника происходили днем, а не ночью. Возможно, имеется в виду просто то, что в памяти людей крепче удерживаются события, происшедшие в праздничное время, поскольку это время как бы «маркировано», выделено из будничного. Мы, однако, подозреваем, что Антифонт, вводя упоминание именно о Диполиях (в его полной воле было связать события с любым праздником, поскольку, напомним, «Тетралогии» написаны на вымышленные сюжеты), делал это сознательно, имея в виду некий имплицитный контекст. Ведь на Диполиях совершался известный архаичный обряд: жрец убивал топором быка (отсюда «Буфонии») и скрывался, а топор судили за убийство в суде Пританея и выбрасывали в море как оскверненный. И со стороны Антифонта это была, право же, удачная находка: говоря об убийстве и скверне, тут же коснуться Буфоний. Об этом сюжете можно было бы и еще порассуждать, но примечание и так разрослось.

⁵⁴ Однако говорящий в результате проигранных им процессов сам оказался в категории неудачников, так что тут явно слабый аргумент с его стороны.

⁵⁵ То есть раб-проводчатый.

⁵⁶ В этом параграфе обвиняемый кратко суммирует основные аргументы, приведенные им на протяжении обеих своих речей, а следующие два параграфа представляют собой типичное *regotatio*, направленное на то, чтобы снискать благорасположение судей.

⁵⁷ Имеется в виду возмездие со стороны духа-мстителя.

III. ВТОРАЯ ТЕТРАЛОГИЯ

Во второй «Тетралогии» обвинитель возбуждает иск о неумышленном убийстве в связи с тем, что его мальчик-сын погиб во время спортивной тренировки от удара копья, брошенного другим ее участником, юношей несколько постарше. Данное дело, если бы оно действительно имело место в Афинах, слушалось бы в Паллади. Здесь, правда, нюанс заключается в том, что представитель защиты (им является отец обвиняемого юноши ввиду несовершеннолетия последнего), не исключено, мог бы при желании попытаться потребовать переqualифицировать дело в подсудное Дельфинию. Правда, мы точно не знаем, приравнивалось ли убийство на тренировке к убийству на состязании, которое входило в категорию оправданных. В любом случае, отец юноши избрал иную стратегию защиты. Он заявляет, что его сын вообще не виновен в убийстве: гибель мальчика произошла вследствие его собственной неосторожности, а стало быть, он парадоксальным образом является убийцей себя самого.

А. Обвинительная речь по делу о неумышленном убийстве

Содержание

Два мальчика в гимнасии бросали копья¹, и получилось так, что один искусно метнул свое оружие, а другой подбежал под самый полет копья и был им поражен. Мальчик погиб, и его отец обвиняет метнувшего копье как убийцу; а тот² перекладывает вину за смертельный удар на бежавшего. Поэтому одни называют статусом речи возвращенное обвинение, а другие – перенос обвинения.

1. Те дела, относительно которых существует общее согласие, уже решены – и законом, и проголосовавшими³, которые властны над всем государством. Но если в деле есть что-нибудь спорное, оно передается на рассмотрение вам, о граждане. Итак, я считаю, что даже обвиняемый ни в чем не будет со мной спорить: ведь мой сын в гимнасии был поражен между ребер копьем, которое бросил этот юноша, и тотчас умер. Поэтому мое обвинение – не в умышленном, а в неумышленном убийстве⁴. 2. Но мне-то он, хоть и не злоумышлял, принес не меньшее несчастье, чем если бы злоумышлял! [Самого погибшего уже ничто не волнует, горе убийца причинил живым.]⁵ И я желаю, чтобы вы ощутили сострадание к родителям, лишившимся ребенка, пожалели о безвременной кончине умершего, запретили убийце появляться в местах, в которых ему быть запрещает закон⁶. Не забывайте, что он оквернил весь город!⁷

¹ Неточность. Как выясняется из текста самой речи, обвиняемый в убийстве был юношей, тренировавшимся в метании копья; убит же был мальчик, к метателям копий не имевший никакого отношения, просто находившийся на стадионе.

² На самом деле за обвиняемого ввиду его несовершеннолетия речи произносит его отец.

³ Не ясно, кто имеется в виду. Граждане, проголосовавшие в народном собрании за принятие закона? Судьи, проголосовавшие за приговор после рассмотрения дела? В свете того, что говорится далее, вероятнее первое.

⁴ В Афинах дела о неумышленных убийствах рассматривались не Ареопагом, а эфетами в Паллади. В целом в связи с афинскими судами по делам об убийствах написано немало, но отослать нужно прежде всего к работе: Voegehold et al. 1995, 3, 43 ff., 121 ff. В ней собрано, несомненно, наибольшее количество свидетельств, как нарративных, так и археологических.

⁵ Фразу, выделенную квадратными скобками, Жерне атетирует, но не думаем, что на то есть безусловные основания.

⁶ Неумышленный убийца в случае признания виновным приговаривался к изгнанию. Таким образом, закон запрещал ему появляться где бы то ни было на территории полиса.

⁷ Характерное для «Тетралогий» упоминание о скверне. Обратим, однако, внимание и вот еще на что. Первая обвинительная речь удивительно коротка. По замыслу Антифонта, обвинитель настолько уверен в своей правоте и победе (дело кажется ему абсолютно ясным), что даже не считает необходимым полностью использовать положенное ему для речи время. Однако далее Антифонт показывает, что в действительности ситуация гораздо сложнее. Частный случай становится для него поводом рассмотреть важные вопросы о причинности и вине.

В. Защитительная речь по делу о неумышленном убийстве

Содержание

Отец метнувшего копье говорит, что погибший сам стал виновником собственного убийства: он в то время, когда копье летело, выбежал на путь его полета, так что справедливо⁸ было бы его самого считать собственным убийцей. Итак, статус речи – перенесение обвинения, а не просьба о снисхождении, как некоторые полагали.

1. Конечно, теперь мне ясно, что сами несчастья и нужды заставляют и людей миролюбивых ввязываться⁹ в судебные процессы, и людей спокойных – быть дерзкими, да и вообще говорить и поступать против своей природы. Ибо я, менее всего являясь и желая быть таким – разве что меня кто-нибудь сильно оклеветает, – самым этим несчастьем принужден теперь, вопреки своему нраву, защищаться по поводу дел, о которых мне трудно говорить с полным знанием. А еще тяжелее мое положение от того, что требуется объяснить эти дела вам. 2. Но я, вынуждаемый суровой необходимостью, и сам, прибегнув к вашему состраданию, о судьи, молю вас: если вам покажется, что я говорю более подробно, чем обычно принято, ввиду сказанного мной ранее не выслушивайте мою защитительную речь неблагосклонно¹⁰ и не судите, руководствуясь мнением, а не истиной. Ведь мнение о содеянном – на стороне тех, кто умеет говорить, а истина – на стороне тех, кто поступает справедливо и благочестиво.

3. Воспитывая сына так, чтобы государство получило наибольшую пользу, я полагал, что нам обоим от этого будет какое-то благо; но то, что случилось со мной, сильно противоречит таким представлениям. Ведь отрок не по наглости или своеволию, а упражняясь в гимнасии со сверстниками в метании копья, бросил его, но никого не убил тем, что он совершил, – во всяком случае, если говорить по истине. Он против своей воли оказался под обвинением, хотя это тот, другой¹¹, виноват в собственной смерти. 4. Ведь если бы копье, вылетев за те пределы, в которых ему следовало двигаться, поразило мальчика, – вот тогда бы¹² нам¹³ не приходилось говорить, что мы не убийцы. А тут мальчик сам выбежал на путь полета копья и подставил тело. Одному помешали¹⁴ попасть в цель, а другой, подойдя под копье, был им пронзен и тем навлек на нас вину, которая нас не касается. 5. Мальчик бросился под удар, и несправедливо обвиняют юношу – ведь он не попал ни в кого из тех, кто находился далеко от цели. И этот мальчик, если бы стоял на месте, как вам ясно, не был бы убит. Но он по своей воле вышел на путь полета копья, и тем яснее обличается, что умер он по собственной ошибке: не был бы он убит, если бы стоял спокойно, а не бегал туда-сюда. 6. Поскольку обе стороны соглашаются, что убийство было неумышленным, еще яснее, что убийца может быть определен по факту ошибки: кто из двух ее совершил? Ведь те, кто собирается что-либо сделать, но при этом ошибается, тем самым вершат неумышленные дела. А вот те, кто добровольно что-либо делает или претерпевает, – те становятся причиной страданий¹⁵. 7. Итак, юноша ни против кого ничем не погрешил. Ведь

⁸ «Справедливо» – вставка, присутствующая в издании Бласса–Тальхейма и представляющаяся оправданной.

⁹ Слово, вставляемое как в издании Бласса–Тальхейма, так и в издании Жерне.

¹⁰ «Неблагосклонно» – необходимое дополнение, принимаемое как Блассом–Тальхеймом, так и Жерне.

¹¹ То есть убитый мальчик.

¹² Жерне резонно добавляет здесь частицу *ἄν*, поскольку грамматически перед нами, несомненно, *casus irrealis*.

¹³ Отец обвиняемого нередко употребляет в своих речах местоимения множественного числа первого лица. Он как бы отождествляет себя с сыном, обрисовывает ситуацию так, будто сам он тоже обвиняется в убийстве, хотя это, естественно, не соответствует действительности. Мы расцениваем подобную манеру выражаться как риторический прием.

¹⁴ «Одному помешали» – вставка в текст, принимаемая как Блассом–Тальхеймом, так и Жерне.

¹⁵ Параграф весьма сложен для понимания, и предлагались различные его интерпретации. Многое зависит от того, принимаем ли мы в последней фразе чтение *ἀκούσιον* (Бласс–Тальхейм) или *ἐκούσιον*

он занимался не чем-то запрещенным, а напротив, предписанным. И копье он метал не тогда, когда упражнялись в гимнастике, а тогда, когда пришел черед такому метанию. И относительно цели он не ошибся – ибо метал, когда все отошли, а попал в мальчика. Нет, он сделал все правильно, как и намеревался, и не совершил никакого неумышленного проступка, даже пострадал от того, что ему помешали попасть в цель. 8. Мальчик же сознательно выбежал вперед и ошибся: если бы он бегал не в этом месте, не был бы убит. С ним случилось то, чего он не хотел; он неумышленно погрешил против самого себя и подвергся соответственному несчастью. Он сам себя и наказал за ошибку¹⁶; не было тут ни нашей радости, ни нашего желания, напротив – мы сочувствуем и сострадаем. Ошибка обратилась на него самого, и все это дело имеет отношение не к нам, а к ошибшемуся. То, что кто свершил проступок – сам же и пострадал, освобождает нас от вины: по справедливости свершивший проступок сразу же за него наказан. 9. Но нас освобождает и закон, хотя, уповая именно на закон, запрещающий убивать – несправедливо ли, справедливо ли¹⁷, – этот человек преследует меня как убийцу. Ведь, поскольку имела место ошибка самого погибшего, это оправдывает моего сына от обвинения в том, что он совершил неумышленное убийство. А поскольку в умышленном убийстве не обвиняет и сам истец, это означает освобождение от обоих обвинений – и в неумышленном, и в умышленном убийстве. 10. Нас освобождает и истина свершившегося, и закон, согласно которому нас обвиняют, да и по нашему образу жизни мы несправедливо считаемся достойными таких зол. Ибо мой сын претерпит неподобающее, взяв на себя не относящуюся к нему вину; точно так же и я, подобно ему невиновный, окажусь среди еще больших, чем он, несчастий. Ведь и из-за его гибели¹⁸ остаток жизни будет для меня невыносимым, и из-за собственной бездетности я еще живым буду погребен.

11. Итак, сострадав несчастью, без вины обрушившемуся на этого ребенка¹⁹, и неожиданной беде для меня, старого и жалкого, не выносите нам, бедным, осуждающего приговора, а благочестиво оправдайте. Ибо и умерший, подвергнувшись несчастьям, не остался безнаказанным, и мы несправедливо страдаем из-за их²⁰ ошибок. 12. Поэтому будьте верны

(Жерне): ведь это антонимы. Мы в переводе следуем варианту Жерне, который, как представляется, дает более удовлетворительный смысл.

¹⁶ Говорящий, таким образом, прибегает к парадоксальному ходу мысли: мальчик виновен в неумышленном убийстве себя самого, а с другой стороны – смерть стала для него карой, так что дело должно быть просто закрыто, поскольку преступление наказано. В современном праве описанная ситуация однозначно подпадала бы под категорию несчастного случая, когда не виноват никто. Но древнегреческое право этой юридической категории еще не знало (Антифонт только подходит к ней), нужно было обязательно обозначить виновника, что и порождало соответствующие коллизии, подобные той, которая разбирается в этой «Тетралогии». Данная проблематика, судя по всему, волновала афинян V в. до н.э. Ср. чрезвычайно похожий казус у Плутарха (Pericl. 36): «...когда какой-то пентатл нечаянно брошенным дротом убил Эпитима из Фарсала, Перикл... потратил целый день, рассуждая с Протагором о том, кого, по существу, следует считать виновником этого несчастья, – дрот, или бросавшего, или распорядителей состязания». В литературе дискутируется вопрос, не повлиял ли этот последний случай на выбор Антифонтom сюжета для комментируемого сочинения.

¹⁷ Место, которое традиционно привлекает внимание исследователей (см. в связи с ним: Gagarin 1978). Такого закона (а он упоминается и еще кое-где в «Тетралогиях») в Афинах не было. Напротив, в аттическом праве еще со времен Драконта выделялась категория «справедливых» (т.е. неподсудных) убийств. На это обстоятельство указывают те, кто не признает авторства Антифонта за «Тетралогиями» и считает, что они были составлены каким-то автором неафинского происхождения. Однако необходимые разъяснения сделал М. Гагарин: Антифонт писал «Тетралогии», имея в виду не Афины с характерным именно для них правом и судопроизводством, а некий вымышленный, условный социум («Софистополь») (Gagarin 2002, 57).

¹⁸ Передержка: за неумышленное убийство в принципе не могли приговорить к казни, а только к изгнанию.

¹⁹ Конечно же, в целях эмоционального давления на судей говорящий называет юношу, своего сына, «ребенком» (ἰψίος).

²⁰ Имеются в виду и погибший мальчик, и его отец – обвинитель в процессе.

благочестию по отношению к свершившемуся, а также и справедливости: благочестиво и справедливо оправдайте нас и не подвергайте обоих несчастнейших – отца и сына – неподобающим бедам!

Г. Вторая обвинительная речь

1. Как мне кажется, этот человек на деле, а не на словах показывает, что сама нужда заставляет всех и говорить, и действовать вопреки природе²¹. Ибо в прежнее время он, во всяком случае, менее всего был бесстыдным и дерзким, а теперь он самим своим несчастьем принужден говорить так, что мне и в голову бы не пришло, что он может такое сказать. 2. И я ведь проявил полную глупость, не предположив, что он будет возражать; иначе я не лишил бы себя наполовину обвинения, сказав одну речь вместо двух²². Тогда он не дошел бы до такой наглости, чтобы превзойти меня вдвое: сказать одну защитительную речь в ответ на мою, а перед тем сказать еще обвинительную речь, надеясь, что я не отвечу²³. 3. Настолько превосходя нас в количестве сказанного, а в том, что он сделал, – еще сильнее, неподобающим образом он просит вас вполне одобрить его защитительную речь. Я же, не совершив ничего дурного, но претерпев ужасные беды – а теперь они еще ужаснее, – на деле, а не на словах прибегаю к вашей милости и прошу вас, о мужи, наказывающие нечестивые дела и награждающие благочестивые, не поддаваться вопреки явной действительности подлому сплетению слов и не принять истину содеянного за ложь. 4. Ибо последняя сочинена скорее убедительно, чем истинно, а первая прозвучит более искренне и беспомощно. Поэтому я, веря в справедливость, презираю эту защитительную речь; но, не доверяя жестокому божеству, страшусь: вдруг не только буду лишен общения с сыном²⁴, но и увижу, что он признан вами убийцей. 5. Ведь этот человек²⁵ дошел до такой дерзости и бесстыдства, что объявляет того, кто бросил копьё и убил, не ранившим и не убившим, а того, кто не прикоснулся к копьё, да и не намеревался его метать, – виновным перед всей землей и всеми людьми, говорит, что он сам вонзил себе копьё между ребрами²⁶. Кажется мне, что я, если бы выдвигал обвинение в умышленном убийстве, мог бы получить больше веры, чем он, утверждающий, что юноша и копьё не метал, и не убивал. 6. Ведь мальчика в тот момент позвал педотриб²⁷, чтобы он подносил копьёметателям копьё, и он из-за распушенности того, кто метал, наткнулся на его враждебное оружие; ни в чем он не совершил никакой ошибки, а мучительно погиб. А тот совершил погрешность в момент убийства: никто ему не мешал попасть в цель, а он поразил такую цель, которая для меня стала предметом горького несчастья. Умышленно он не убивал, но уж скорее можно сказать, что он убил умышленно, чем утверждать, что он вообще не бросил копьё и не убил. 7. Неважно, умышленно ли или умышленно они убили²⁸ моего мальчика, – они вообще отрицают, что убили его, и говорят, что не подпадают под действие закона, который запрещает убивать справедливо или несправедливо²⁹. Но кто в большей степени виновен в убийстве?

²¹ Аллюзия на начало предшествующей защитительной речи.

²² Обвинитель имеет в виду, что первую речь из двух положенных он фактически не сказал (мы видели, как она коротка).

²³ Имеется в виду, что первая защитительная речь была по сути дела обвинительной речью против погибшего мальчика, уличающей его в том, что он сам виновен в собственной гибели.

²⁴ В результате гибели последнего.

²⁵ Отец обвиняемого, говоривший защитительную речь.

²⁶ Ничего подобного в защитительной речи, конечно, не утверждалось, аргументация в ней была гораздо тоньше. Здесь понятная со стороны обвинителя гиперболизация (как и в следующей фразе).

²⁷ Педотрибы – в древнегреческих полисах преподаватели гимнастики, обучавшие детей и юношей в гимназиях.

²⁸ Обвинитель прибегает к риторическому обобщению, «записывая в убийцы» заодно уж и отца обвиняемого. Подобные аргументы, входящие в разительное противоречие с любой логикой, тем не менее гарантированно оказывали эмоциональное воздействие на часть судей.

²⁹ Этот неафинский (и, похоже, вообще фиктивный) закон выше упоминался и в защитительной речи.

Может быть, к нему причастны зрители или педагоги? Их никто ни в чем не обвиняет. Мне небезызвестно, да и слишком ясно, что именно этот человек³⁰ – виновник смерти.

Я же утверждаю, что закон правильно приговаривает убийц к наказанию. И справедливо, чтобы против воли убивший против воли и претерпел зло³¹, а несправедливо будет, если погибший – неважно, был ли нанесенный вред неумышленным или умышленным, – останется неотомщенным³². 8. Несправедливо он³³ ищет убежища в невольности проступка³⁴. Ибо если беда случается безо всякого участия бога, то это – проступок, и совершившему его следует по справедливости претерпеть несчастье; а если на совершившем нечестивое лежит божественное проклятие, то несправедливо препятствовать действиям божества. 9. Они сказали также, что не подобает их – людей честного образа жизни – удостаивать зла. А мы разве подобающим образом страдаем? Мы ведем ничуть не менее честную жизнь, чем они, и все-таки наказаны смертью. А когда он говорит, что невиновен, и считает, что несчастья должны обращаться на совершивших проступок, а не на невиновных, – он на самом деле говорит в нашу пользу. Ибо мальчик мой не совершил по отношению ни к кому никакого проступка, а погиб от руки этого юноши; несправедливо будет, если он останется неотомщенным. А я, тем более невинный³⁵, претерплю ужасные вещи, если не получу от вас того, что мне полагается по закону. 10. Покажу, что убийца не освобождается, как они утверждают, от своей ошибки, хотя бы убийство и было неумышленным, но обе эти черты имеют отношение к ним обоим. Даже если мальчик – из-за того, что он вышел под полет копья, а не стоял неподвижно, – по справедливости является убийцей себя самого, все равно юноша не чист от вины: он был бы таковым, если бы не метал копье, а стоял неподвижно, мальчик же умер бы. Убийство произошло по вине обоих³⁶; но мальчик, совершив оплошность по отношению к себе самому, сам же и наказан этой оплошностью, и даже слишком сурово: ведь он мертв. А разве справедливо, чтобы соучастник и сообщник оказался в числе не имеющих отношения к преступлению и ушел безнаказанным?

11. Из самой защитительной речи ответчиков видно, что юноша – соучастник убийства, поэтому несправедливо и не благочестиво будет, если вы его оправдаете. Ибо если мы, погибшие из-за их проступка, будем признаны убийцами и претерпим что-либо от вас³⁷, это будет не благочестиво, а нечестиво; и если погубившим нас не воспрепятствуют входить в места, куда им не подобает, не благочестиво поступят те, кто оправдает нечестивых. Вы сталкиваетесь со всей и всяческой скверной³⁸, и вам нужно проявлять большую осторожность. Осудив его³⁹ и запретив входить туда, куда не разрешает закон, вы будете чисты от

³⁰ Юноша все-таки, вероятно, присутствовал на суде (хотя за весь процесс не сказал ни слова), так что обвинитель мог в этот момент речи «широким жестом» указать на него.

³¹ Риторический софизм.

³² При переводе этого параграфа местами опираемся на чтения Жерне, местами на чтения Бласса–Тальхейма.

³³ Отец обвиняемого, представитель противной стороны.

³⁴ Обвинитель не понимает или делает вид, что не понимает суть аргументации защищающейся стороны.

³⁵ Местами (и это уже не первый раз) обвинитель, похоже, сознательно повторяет (пародирует?) выражения из предшествовавшей защитительной речи.

³⁶ Данная обвинительная речь, вообще говоря, производит впечатление довольно противоречивой. Так, в этом месте обвинитель, ранее категорически настаивавший на невинности своего сына, вроде бы готов признать «вину обоих» и даже называет (чуть ниже) предполагаемого убийцу «соучастником и сообщником» убитого. Это, несомненно, сознательный ход со стороны Антифонта, который создает вот такой образ – образ человека несколько беспечного (он «профукал» свою первую обвинительную речь), не поднаторевшего в тяжбах, находящегося не в ладах с логикой... Не забудем о том, что Антифонт – первый крупный мастер эпопеи.

³⁷ Опять риторическое обобщение (обвинитель отождествляет себя со своим погибшим сыном).

³⁸ Популярный в «Тетралогиях» Антифонта мотив скверны. Считалось, что оскверненным делает даже неумышленное убийство.

³⁹ Обвиняемого юношу.

упреков, а оправдав – окажетесь виновными. 12. Итак, ради нашего благочестия и законов подвергните его наказанию и не становитесь сами соучастниками его оскверненности. И нам, родителям, которых он живыми закопал в землю, своим решением хоть полегче сделайте несчастье.

Δ. Вторая защитительная речь

1. Похоже, что этот человек, всецело погруженный в свое обвинение, не вник в мою защитительную речь⁴⁰. Но вам следует это сделать⁴¹, зная, что мы, тяжущиеся, судим о деле каждый по своему расположению и, естественно, каждый из нас считает, что он говорит справедливо, вам же подобает благочестиво смотреть на содеянное. 2. Ибо, услышав сказанное, нужно смотреть, что в нем истинно. Я же, если сказал что-либо ложное, готов признаться, что дискредитировал этим и свои правдивые слова. Но если я говорил вещи истинные и притом тонкие и точные, не я словами своими, а убийца делами своими по справедливости заслужил вражду.

3. Но прежде всего хочу, чтобы вы усвоили: не тот убил, про кого говорят, что он это сделал, а тот, кто в этом изобличен. А этот человек⁴², соглашаясь, что дело произошло так, как и мы утверждаем, в вопросе об убийце с нами расходится. А это невозможно установить каким-либо иным образом, кроме как из рассмотрения самого свершившегося. 4. Обвинитель жалуется, что на его мальчика клеветают, объявляя его убийцей, хоть он и не метал копье, и не собирался это делать; но он спорит не с тем, что мной было сказано. Ведь я говорю, что мальчик сам ничего не метал и не попадал в себя, однако вышел под удар копья и тем сам себя погубил, а не был убит юношей: ведь не погиб же он, стоя на месте. Что же касается причины, по которой он побегал: если он сделал это, позванный педотрибом, то педотриб и есть его убийца⁴³, а если он пошел под удар по собственному побуждению, то сам он себя и погубил. 5. Прежде чем перейти к другому доводу, я хочу установить дело еще яснее – на ком из двух лежит вина. Юноша промахнулся мимо цели в ничуть не большей степени, чем кто-либо из состязавшихся вместе с ним, и ничего из того, в чем его обвиняют, он не сделал по собственной ошибке. Мальчик же поступил не так, как другие зрители, а выбежал под полет копья; из этого совершенно ясно, что он по собственной ошибке подвергся гораздо большей опасности, чем те, кто стоял на месте. Ведь один ни против кого⁴⁴ не погрешил бы, если бы никто не выскочил ему под копье; а другой не был бы убит, если бы стоял со зрителями. 6. Я докажу, что юноша причастен к убийству ничуть не в большей степени, чем те, кто вместе с ним метал копья. Ведь если мальчик погиб из-за того, что этот юноша метал копье, то получается, что все, кто занимался вместе с ним тем же самым, – его сообщники и соучастники. Ибо они не попали в мальчика не потому, что не метали копья, а потому, что никому из них он не попался под копье. И юноша грешен несколько не более, чем они. Подобно им, и он не попал бы в мальчика, если бы тот спокойно стоял со зрителями. 7. Но тут не только погрешность со стороны мальчика, но и его невнимательность. Ибо юноша, видя, что никто не бежит⁴⁵, как мог остеречься от того, чтобы в кого-нибудь попасть? А мальчик, видя мечущих копья, вполне мог бы остеречься от того, чтобы в него попали: ведь он мог просто стоять

⁴⁰ В общем-то справедливое замечание. Тонкостей аргументации этой стороны представитель противной действительно не уловил.

⁴¹ В этом месте издание Бласса–Тальхейма предполагает лауну, но возможно, что ее тут и нет.

⁴² Обвинитель.

⁴³ Важный момент, который как-то вскользь звучит в речах обеих сторон. Пожалуй, по нормам современного права именно педотриба-то и признали бы виновным, коль скоро он дал мальчику распоряжение, приведшее в конечном счете к его гибели.

⁴⁴ Здесь опираемся на чтение Жерне.

⁴⁵ Говорящий хочет показать, что в самый момент броска мальчик еще не выбежал в опасную зону (это случилось чуть позже, когда копье уже летело), так что юноша, метавший снаряд, не мог принять какие-либо меры предосторожности.

на месте. 8. А закон, который они упоминают⁴⁶, достоин восхваления. Ведь он прямо и справедливо тех, кто совершил убийство, не желая того, нежеланному же наказанию и подвергает. Поэтому было бы несправедливо, чтобы юноша, ни в чем не виновный, был наказан за виновного: достаточно с него, что на нем лежат его собственные провинности. А мальчик, погибший по своей же вине, одновременно и совершил проступок, и сам себя наказал. А коль скоро убийца наказан, убийство не осталось неотомщенным. 9. Так вот, раз уж убийца понес наказание, – вы, если не отпустите нас, а осудите, будете мучиться совестью⁴⁷. Ибо тот, на кого обрушился его собственный проступок, не вызывает ни к кому ни о какой мести; а кто чист от вины, – тот, если его погубят, станет для осудивших в большей степени предметом угрызений совести. Если же сказанным демонстрируется, кто убийца, то не мы, говорящие, будем в этом для него виной, а сам ход дел. 10. А поскольку улики прямо изобличают, что виновен мальчик, закон, оправдывая от вины нас, осуждает убийцу. Итак, и не навлекайте на нас неподобающие беды, и не выносите решения, противного божеству, помогая этим людям в их несчастьях. Но поступайте так, как будет благочестиво и справедливо. Помните, что случившееся произошло по вине того, кто вышел под полет копья, и оправдайте нас: ведь мы не виновны в убийстве.

Литература

1. Бондарь Л.Д. 2009: Афинские литургии V–IV вв. до н.э. СПб.
2. Гаспаров М.Л. 1997: Избранные труды. Т. 1. О поэтах. М.
3. Кудрявцева Т.В. 2008: Народный суд в демократических Афинах. СПб.
4. Лурье С.Я. 1918а: Новый оксиринхский отрывок // Греко-римский сборник. Пг., 1597–1619.
5. Лурье С.Я. 1918б: К хронологии софиста Антифонта и Демокрита // Греко-римский сборник. Пг., 2285–2306.
6. Лурье С.Я. 1925: Антифонт: творец древнейшей анархической системы. М.
7. Суриков И.Е. 1999: О некоторых особенностях правосознания афинян классической эпохи // Древнее право. 2 (5), 34–41.
8. Суриков И.Е. 2006: Antiphoneta I. Нарративная традиция о жизни и деятельности оратора Антифонта // SH. 6, 40–68.
9. Суриков И.Е. 2007: Antiphoneta II. Антифонт-оратор и Антифонт-софист – два лица или все-таки одно? // SH. 7, 28–43.
10. Суриков И.Е. 2009: Antiphoneta IV. Фрагменты речей Антифонта как исторический источник (перевод и комментарий) // SH. 9, 1–27.
11. Суриков И.Е. 2010: Antiphoneta V. Философские фрагменты Антифонта // SH. 10, 25–65.
12. Суриков И.Е. 2012а: Antiphoneta VII. Судебная пытка рабов в речах Антифонта // SH. 12, 33–60.
13. Суриков И.Е. 2012б: Полис, логос, космос: мир глазами эллина. Категории древнегреческой культуры. М.
14. Суриков И.Е. 2013: Этопея в судебных речах Антифонта // Мнемон. 12, 99–126.
15. Antiphon, Andocides 1998: Antiphon, Andocides / Translated by M. Gagarin, D.M. MacDowell. Austin.
16. Avery H. 1982: One Antiphon or Two? // Hermes. 110. 2, 145–158.
17. Barta H. 2010: «Graeca non leguntur»? Zu den Ursprüngen des europäischen Rechts im antiken Griechenland. Bd 1. Wiesbaden.
18. Barta H. 2011: «Graeca non leguntur»? Zu den Ursprüngen des europäischen Rechts im antiken Griechenland. Bd 2: Archaische Grundlagen. Teil 1. Wiesbaden.
19. Boegehold A.L. et al. 1995: The Lawcourts at Athens: Sites, Buildings, Equipment, Procedure, and Testimony (The Athenian Agora. Vol. 28). Princeton.

⁴⁶ Имеется в виду, по обыкновению, обвинитель, хоть он и один. Полагаем, в норме на процессах каждый тяжущийся был окружен своей «группой поддержки», что и побуждало употреблять в речах формы множественного числа.

⁴⁷ Так обычно понимается лексема (ἐνθύμιον), стоящая здесь. Впрочем, на самом деле в античной Греции понятия «совести», аналогичного нашему, не существовало (см. к этому: Суриков 2012б, 106 сл.), и Антифонт здесь, по сути дела, говорит не о каком-то внутреннем регуляторе поведения (каковым является совесть), а о факторе чисто внешнем, пресловутом духе-мстителе.

20. *Carawan E.* 1993: The *Tetralogies* and Athenian Homicide Trials // *American Journal of Philology*. 114. 2, 235–270.
21. *Carawan E.* 1998: *Rhetoric and the Law of Draco*. Oxf.
22. *Dover K.J.* 1950: The Chronology of Antiphon's Speeches // *CQ*. 44. 1/2, 44–60.
23. *Ferguson W.S.* 1932: The Condemnation of Antiphon // *Mélanges Gustave Glotz* / F.E. Adcock et al. (eds.). T. 1. P., 349–366.
24. *Gagarin M.* 1978: The Prohibition of Just and Unjust Homicide in Antiphon's Tetralogies // *GRBS*. 19. 4, 291–306.
25. *Gagarin M.* 1990: The Ancient Tradition on the Identity of Antiphon // *GRBS*. 31, 1, 27–44.
26. *Gagarin M.* 2002: *Antiphon the Athenian: Oratory, Law, and Justice in the Age of the Sophists*. Austin.
27. *Hansen M.H.* 1976: *Apagoge, Endeixis and Ephegesis against Kakourgoi, Atimoi and Pheugontes: A Study in the Athenian Administration of Justice in the Fourth Century B.C.* Odense.
28. *Kerferd G.B.* 1981: *The Sophistic Movement*. Cambr.
29. *Luria S.* 1926: Eine politische Schrift des Redners Antiphon aus Rhamnus // *Hermes*. 61, 3, 343–348.
30. *Luria S.* 1963: Antiphon der Sophist // *Eos*. 53. 1, 68–80.
31. *MacDowell D.M.* 1963: *Athenian Homicide Law in the Age of the Orators*. Manchester.
32. *Mészáros T.* 2008: Some Thoughts on the Fragments of Antiphon // *Acta antiqua Academiae scientiarum Hungaricae*. 48. 1/2, 193–200.
33. *Morrison J.S.* 1963: The Truth of Antiphon // *Phronesis*. 8. 1, 35–49.
34. *Mossé C.* 1991: La place de la pallakê dans la famille athénienne // *Symposium 1990. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte* / M. Gagarin (Hrsg.). Köln, 273–279.
35. *Mühl P. von der* 1948: Zur Unechtheit der antiphontischen Tetralogien // *MH*. 5, 1, 1–5.
36. *Saunders T.J.* 1977/1978: Antiphon the Sophist on Natural Laws (B44 DK) // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 78, 215–236.
37. *Wilamowitz-Moellendorff U. von* 1887: Die erste Rede des Antiphon // *Hermes*. 22, 194–210.
38. *Zinsmaier T.* 1998: Wahrheit, Gerechtigkeit und Rhetorik in den Reden Antiphons: Zur Genese einiger Topoi der Gerichtsrede // *Hermes*. 126. 4, 398–422.
39. *Zuntz G.* 1949: Once Again the Antiphontean Tetralogies // *MH*. 6. 2, 100–103.

(Продолжение следует)